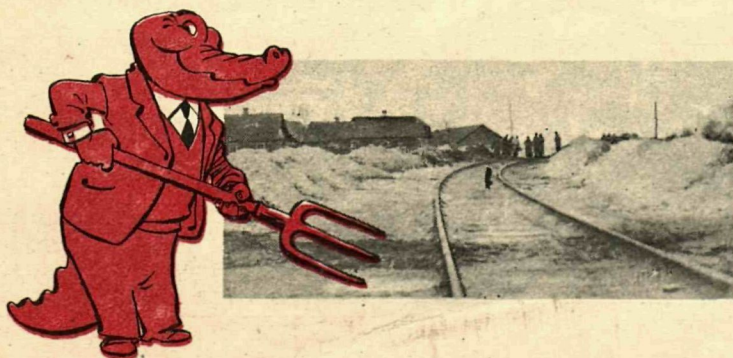


Выпустили продукцию...

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

КРОКОДИЛ



Почему Крокодил воспроизвел на обложке этот невеселый пейзаж? Да потому, что именно здесь был найден ключ к «Загадке синего конверта». Подробности смотри на стр. 4—5.

№ 3

(1617)

30 ЯНВАРЯ

1961

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

СРЕДИ ВОДОПЛАВАЮЩИХ

Время от времени руководители Министерства речного флота РСФСР спохватываются:

— Позвольте, а с какой стати у нас на транзитных пассажирских судах штатные бухгалтеры плавают? Странно! Весьма странно!

Начальник отдела пассажирских перевозок П. И. Хатов успокаивает:

— Традиция. Так уж повелось: плавают рестораны, при нем плавают и бухгалтеры.

— Чушь! Почему бухгалтеры железнодорожных вагонов-ресторанов не раскатывают бесплатно по стране? Мы что, богаче железнодорожников! Скажите, сколько койкомест занимают на судах эти штатные единицы?

— Свыше трехсот отдельных кают.

— Вы с ума сошли! Теперь нам понятно, почему многие пассажиры остаются без кают. Триста мест бухгалтерам! Триста директорам! Триста поварам! Триста буфетчицам! Триста подавальщицам! Триста... Хватит, можете идти.

Срочно вызывается заместитель начальника главбюро Министерства В. П. Селиванов. Ему втолковывают несколько прописных истин.

Судно, мол, не канцелярия. На судне каждый квадратный метр плавучей площади на вес золота.

— Виталий Павлович, до каких пор мы будем катать ваших бухгалтеров? Что они делают на судне?

— Калькулируют, отчеты разные составляют.

— А разве этим не мог бы заняться директор ресторана?

— Видите ли, директор осуществляет общее руководство, а также...

— А также с утра до вечера прогуливается по палубе? Ну и занятия!

После этого руководители министерства требуют срочно подготовить справку, во что обходится курортная должность бухгалтера с отдельной каютой, с круглосуточным бесплатным питанием.

Руководители министерства вне себя: оказывается, водоплавающие бухгалтеры каждую навигацию съедают без малого два миллиона рублей!..

По министерству проносятся громовые раскаты. Все в ожидании приказа. Вот-вот наконец-то обяжут директоров взять на себя несложные обязанности судовых бухгалтеров.

Но гроза стихает. Об экономии двух миллионов все забывают. Но близится навигация... И снова собираются руководители министерства. Снова объявят аврал:

— Свистать всех наверх!

Вал. БОРОНИН

Сюрпризы калькуляции

Дав прощальный гудок, паровоз «Эм № 728-91», принадлежащий комбинату «Апатит», отправился на ремонт в город Великие Луки.

— Ну, теперь приведут в порядок нашего старика! — радовались рабочие железнодорожного цеха.

Однако сначала нужно было привести в порядок отношения комбината с Великолукским паровозоремонтным заводом. Последний потребовал с заказчика «давальческое сырье», а именно 40 тонн различных металлов. Не много ли? Ведь сам паровоз вместе с котлом, трубой, колесами, тендером и гудком весит 98,4 тонны!

Обратились за разъяснением в Министерство путей сообщения. Оттуда ответили, что за-

вод обошелся с комбинатом еще по-божески! По существующим инструкциям, он мог бы потребовать не 40, а свыше 60 тонн проката и литья.

Придется, видно, комбинату «Апатит» переключиться на разработку железорудных месторождений. А то ведь металла не наберешься.

Н. ЛЕШОВ

г. Кировск,
Мурманской области.

Бумажная пена

Строится в старинном городе Белеве пивоваренный завод. Шесть лет строится — никак достроиться не может. И директор городского пищекомбината товарищу Зайцеву мука-мученическая с этой «бородатой» стройкой: то он слезные бумажки строчит, то на телефоне висит, то лично в Тульском облисполкоме пороги обивает. Просит, чтобы тамшнее Управление промышленности и строительства перестало тянуть вольгудку с пивным объектом. И вот наконец в июле 1960 года говорит Зайцеву заместитель начальника этого управления тов. Дудоркин:

— Зайцев, а Зайцев! Держись, я тебя сейчас обрадую.

«Ну, видно, все-таки проняло, — подумал Зайцев, — дадут на достройку остальные деньги и материалы...»

— Так вот, — говорит Дудоркин. — Считается по окончательному плану, что пивоваренный завод уже вступил в строй. А раз так, то по плану он уже должен давать продукцию. И вот тебе, голуба, квартальный план: в этом месяце выпустишь 6 тысяч декалитров пива, в августе и сентябре — по 7 тысяч.

Стал Зайцев думать, как на недостроенном заводе варить из строительного мусора жигулевское пиво. Думает, думает — ничего придумать не может. А тем временем из разных ресторанов и столовых уже летят бумажки: «Сроч-

но отпустите 1 000 декалитров пива», «В счет фондов третьего квартала просим отгрузить вагон белевского-жигулевского!» И так далее.

Сколько бы еще этих бумажек привалило, никому не ведомо, как вдруг в сентябре областная газета покритиковала Дудоркина за его планово-пивные чудеса. Стал он думать, как ему на критику реагировать. Думал, думал и в конце октября надумал.

— Вот, — говорит, — тебе, Зайцев, мое последнее слово. Поскольку по плану пивзавод считается вроде бы действующим, спускаю тебе на четвертый квартал увеличенный план: по 12 тысяч декалитров в месяц. Выполнишь, хоть кровь из носу!

Заметались на Белевском пищекомбинате: что делать, как быть? И тут один хитрый пишевик подает такую идею:



— А что, братцы, ежели нам пивной план перекрыть сухим киселем и конфетными «петушками»?

— Так-то оно так, — говорят на это другие. — Но ведь мы же план по киселю и «петушкам» давно выполнили и все сырье под метелку израсходовали.

А у хитрого пишевика насчет сырья рыбе слово присасено. И как только сотоварищи его услышали это слово, сразу кинулись организованным порядком в городские магазины. Начали скупать мешками да кульками сахар — и давай творить из него сухой кисель и «петушков».

— Ну, как там у вас с планом? — строго спрашивает из Тулы Дудоркин. — Натягиваете?

И пишевики стыдливо отвечают: — Натягиваем помаленьку. Так точно, товарищ Дудоркин, уразумели: план есть план — и никаких гвоздей!

...Ох, боимся, пойдет теперь гулять по белу свету присказка: в Белеве был, мед-пиво пил, по плану текло — в рот не попало. И впрямь, какое уж тут пиво! Одна пена, да и та бумажная...

Н. МЯГКОВ

г. Белев, Тульской области.

В ЧЕМ СОЛЬ?

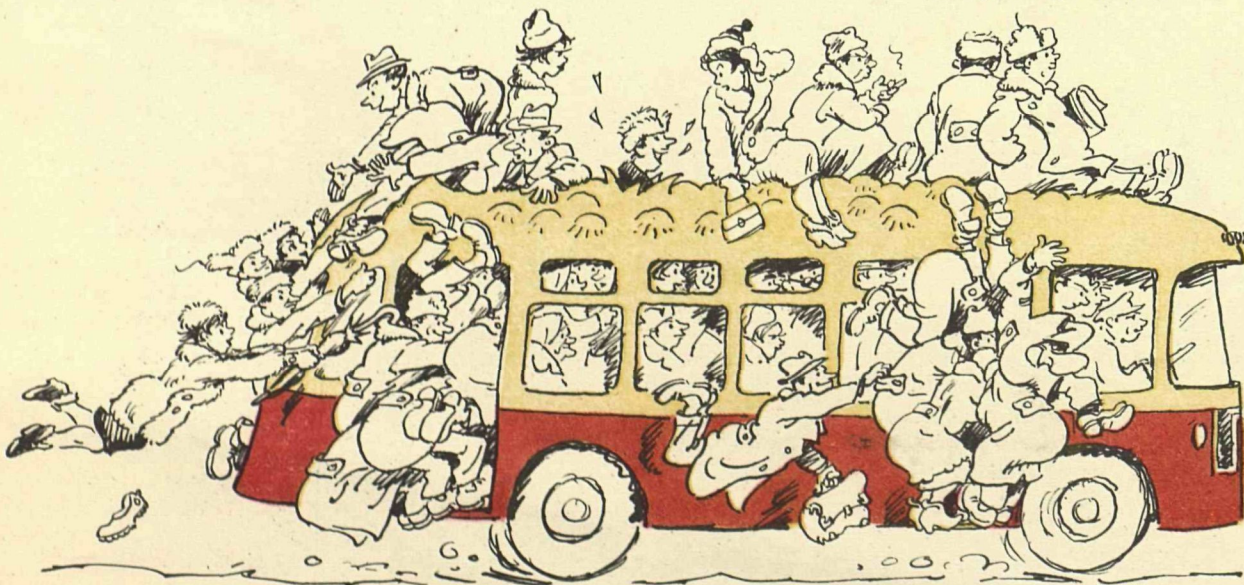
Соль в том, что соли нет... — SOS! SOS! — радируют нам от имени экипажа траулера «4398» из Североатлантической экспедиции, — кругом соленой воды целый океан, а у нас на борту ни щепотки соли.

Каждый год мы объясняем работникам Управления рыбной промышленности Латвии, что если рыбу не посолить, она портится. И каждый год повторяется одна и та же история: мы ловим рыбу, а солить ее нечем.

И уходит она в океан несолоно хлебавши...

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

В Кемерове плохо налажено автобусное движение.



Один на всех и все на одного...

Памяткой по голове

Рисунок М. СОКОЛОВА.

В некоторых школах число второгодников не уменьшается, а возрастает.

В органах здравоохранения Винницкой области объявлена боевая тревога. Совершенно неожиданно среди работников аппарата областного союза потребительской кооперации распространилось массовое и повальное заболевание, ранее неизвестное медицине. Свыше сорока человек лишились памяти и вот уж сколько времени никак не могут прийти в себя.

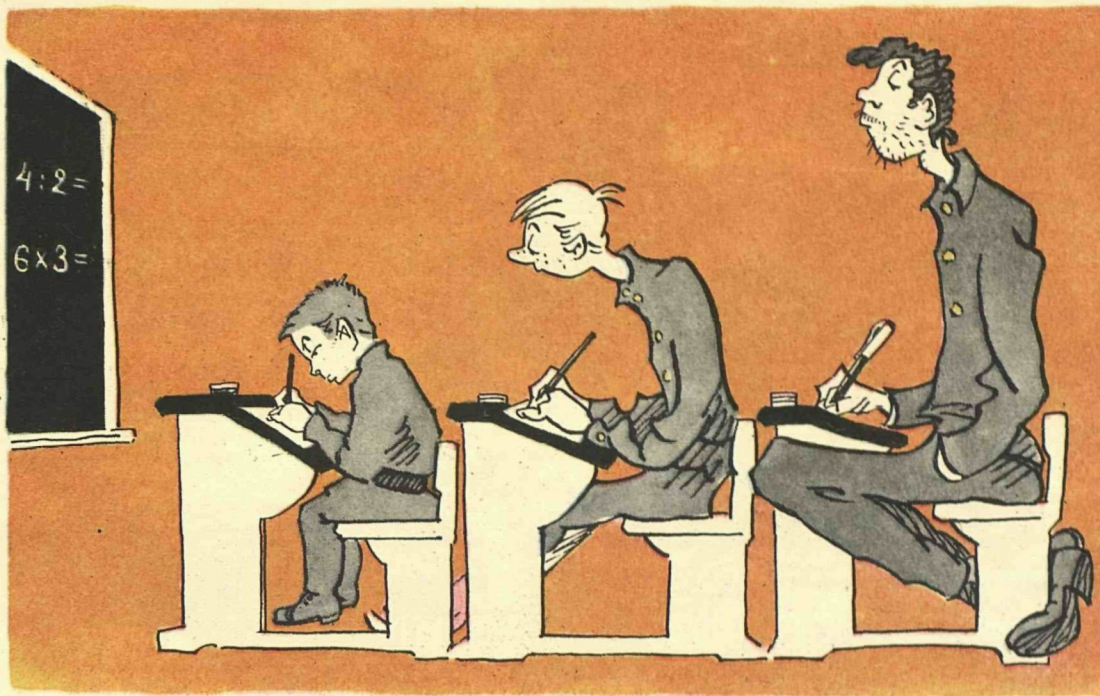
Вирус этого странного заболевания, оказывается, гнезился в памятках и инструкциях, которыми начальство снабдило работников областного потребсоюза перед их отъездом по делам службы в районы и села.

Тщательное исследование памяток показало, что они обладали весьма оглушительной силой, способной сразить не только человека, но и слона. Каждому командированному вменялось в обязанность за несколько считанных дней произвести тринадцать глубоких проверок, и за это же время принять меры к безусловному выполнению обязательств по заготовке и отгрузке черного и цветного металлолома, тряпья, пух-пера, макулатуры и другого сырья, по сбору паевых взносов, а также составить и осуществить план специализации торговой сети в райцентре и в каждом населенном пункте и т. д. и т. п.

И это еще не все. Несчастный уполномоченный должен был ко всему этому составить еще четыре справки, шесть актов, причем некоторые акты надо было составить по каждому селу в отдельности.

Но чтобы вконец оглушить уполномоченных, памятка предлагала составить по пятидесяти — ста торговым точкам в каждом районе информационную сводку, состоящую из нескольких десятков вопросов.

Надо ли после этого удивляться, что состояние здоровья многих сотрудников облпотребсоюза, выезжавших в районы в качестве уполномоченных, до сих пор внушает серьезные опасения! Медицина в таких случаях бессильна. Тут должны сказать свое веское слово другие организации...



Кривая роста второгодников.

ЗАТЯНУВШИЕСЯ КАНИКУЛЫ

Университет культуры, открытый районными организациями при должанском Доме культуры, имеет отличительную особенность. Его никто не окончил. Он окончился сам. Довольно быстро. После четвертой лекции. Каникулы длятся с июня прошлого года и по сей день.

Единственным волнующим вос-

поминанием у 200 бывших слушателей о бывшем университете остались отпечатанные типографским способом студенческие билеты, полученные в обмен за пятирублевый взнос.

Д. ШКОДИН,
отв. секретарь редакции газеты «За победу»
ст. Долгая, Орловской области.

А. КАРАСЕВ и С. РЕВЗИН

Небо и земля

Под нами просторы Сибири...
Полет, словно сон наяву.
Сквозь звездную ночь
мы на «ТУ-104»

Летим без посадки в Москву.
Здесь все воплощение прогресса:
Вокруг стратосферный мороз,
А нам, будто летом,

несет стюардесса
С прохладным нарзаном поднос.
Но вдруг мы идем на снижение,
Огни замерцали во мгле,
Затихли турбины —

и через мгновенье
Машина бежит по земле.
Еще не сойдя с самолета,
По радио слышим слова:
«Плохая погода

на трассе полета,
Сегодня закрыта Москва!»
Подходит дежурный к нам,

строгий,
Предельно спокойный, как йог.
И с ним возникает у нас

по дороге
Буквально такой диалог:
— Здесь есть ли гостиница!

— Нету.

— А как с рестораном!

— Закрыт.

— Так, может, вы нас

проведете к буфету!

— К буфету! Буфетчица спит.

Терзаемся ночь на вокзале.

Вокзал, точно Ноев ковчег:

Там дремлют

в единственном кассовом зале

Примерно пятьсот человек.

Эх, если бы с неба Сибири

Удобства и полный комфорт.

Такие ж,

как в лайнере «ТУ-104», —

На землю бы,

в аэропорт!

г. Новосибирск. Аэропорт.



От писка!

Отписка.

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНИЕ

Калининградский горпромторг
ПРОИЗВОДИТ РАСПРОДАЖУ ТОВАРОВ
УСТАРЕВШИХ ФАСОНОВ И МОДЕЛЕЙ
Товары уценены от 30 до 80 процентов.

РАСПРОДАЖА ПРОИЗВОДИТСЯ в павильоне местной промышленности областной выставки достижений народного хозяйства, с 11 до 18 часов ежедневно, кроме понедельника.
Дирекция горпромторга.

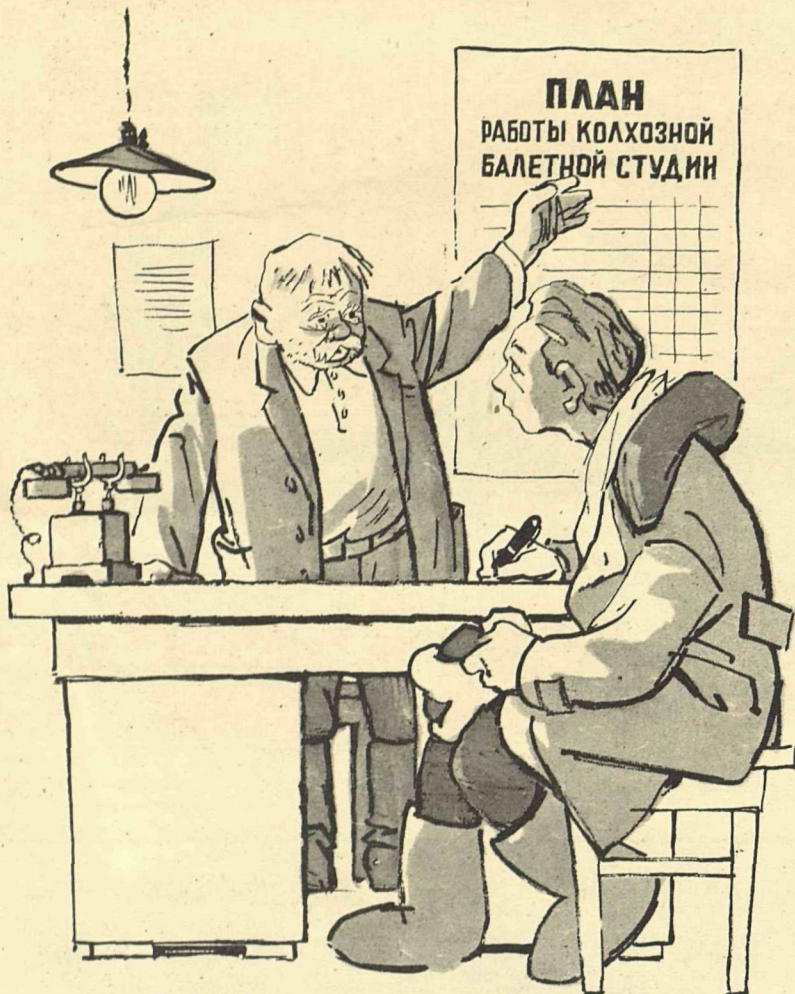
Это объявление в областной газете «Калининградская правда» смутило читателя И. Чеботаева из города Черняховска.

«Мне непонятно, — пишет И. Чеботаев, — как можно на выставке достижений народного хозяйства продавать старые, отжившие свой век товары!»

А ведь ничего непонятного тут нет, все яснее ясно: товары устаревших моделей и фасонов потому и продаются на выставке достижений, чтобы посетители могли «сравнить век нынешний и век минувший».

МЕДИКИ В ЗАТРУДНЕНИИ. ♦ ЧТО УСТАРЕЛО — НА ВЫСТАВКУ! ♦ УНИВЕРСИТЕТ, В КОТОРОМ НИКТО НЕ УЧИЛСЯ. ♦ АВИАПАССАЖИР — ТОЖЕ ЧЕЛОВЕК.





— Как обстоят у вас дела с водоплавающей птицей?
— Готовим «Лебединое озеро»...

Рисунок И. СЫЧЕВА.



Кукуруза консервированная.

Загадка синего конверта

В редакционной почте был обнаружен странный конверт синего цвета. В нем не оказалось ни жалобы, ни фельетона, ни даже записки. Только фотоснимок (см. на обложке).

На оборотной стороне красовалась краткая надпись: «Крокодил! Это достойно твоего внимания. Приезжай к нам и разберись. Дело пахнет миллионами». Ни подписи, ни обратного адреса. Штамп на конверте расплылся.

Миллионы, конечно, дело серьезное. Но как быть? Куда мы должны ехать? Что за местность?

— Это же Талдом! — сказал один из наших активистов. — Я помню, был там два года назад...

— Ерунда! — сказал только что вошедший молодой сотрудник. — Тут и гадать не нужно. Нечто подобное я видел в Воскресенске. Поезжайте, это же близко.

Мы ухватились за эту мысль и через час сидели в электричке. Тайна синего конверта должна быть разгадана, хотя бы нам пришлось объехать всю московскую магистраль!

Начальник станции Воскресенск Виктор Николаевич Лысенко несколько обескуражил нас:

— Нет, это не наша станция. Но кое-что похожее найдется. Пойдемте в восьмой тупик.

В восьмом тупике мы узрели картину, которая запечатлена фоторепортером на соседней странице.

— Это минеральные удобрения, — сказал Лысенко. — Свалены тут уже давно. Принадлежат совхозу «Воскресенский», где директором товарищ Галинач. Здесь была низина, а теперь, видите, она заполнилась удобрениями, и даже холмики есть.

— Вот об этом стоит поговорить! — загорелись мы.

— Подумаешь, — сказал Лысенко. — Какие-то сто сорок тонн! А вот вы пошарьте на каширском направлении — не то увидите.

Снова в путь. В районе станции Непецино мы обнаружили доселе неизвестный картографам горный хребет. Он тянется на несколько сот метров.

— Как называется эта гора? — спросили мы укутанную в шаль толстую тетку, которая стояла тут же с двумя ведрами и, по-видимому, ждала, когда мы уйдем.

— Никакая это не гора, а чистый торф. Хозяйка его — совхозы «Проводник», «Борец» и «Индустрия». Богатейший совхоз, видно, ежели такими кусками швыряется. Кто директор? А сам товарищ Трофимов. Кто же еще!

Мы отправились дальше, рассуждая, стоит ли тащиться в Мякинino или удовольствоваться интервью, взятым у толстой тетки. Наши размышления прервали какие-то дикие крики. Мы увидели группу людей, судя по внешнему виду, геологов. Они и кричали «ура».

— Почему пальба и клики? — осведомились мы.

— Неслыханная удача! — ответил руководитель экспедиции. — Нежданно-негаданно набрали на богатейшие месторождения калийных солей. Они выходят на поверхность почти в чистом виде. Такое счастье! Ребята, забивай колышки!

— Я вам покажу колышки! — разъяренно закричал подбежавший человек в замасленной куртке. — Ишь, какие ухаи нашлись чужим добром распоряжаться! Это же наши удобрения, совхоза «Красная заря». Да с вами директор товарищ Филатов, знаете, что сделает!.. Он и сам-то их не трогает, а тут ходят всякие...

— Пардон, — вежливо сказал геолог, — но, судя по степени слежалости и слою мусора и снега, по этим залежам уже давно не ступала нога человека.

— Не ваше дело. Когда надо будет, тогда и ступит нога. Шагайте отседова, пока не вкатили вам по первое число!

Сконфуженные геологи забрали карты и, отряхнув со своих ног минеральный прах, удалились восвояси. А хозяйственный мужичок из «Красной зари» отправился на станцию принимать вагоны с новой порцией удобрений.

На станции Сотниково мы попали в джунгли: столь обильны и могучи здесь заросли сорняков. Бурьян, чертополох, крапива зеленели даже зимой.

Мы взяли горсть земли, растерли ее, понюхали.

— Вот где удобрения зарыты! Известняковая мука. Ну как не расти, не цвести бурьяну!

Местные жители пояснили, что здесь действительно лежат 3500 тонн минеральных удобрений, которые по-настоящему должны были утучнять поля совхозов «Малино» и «Шугарово». Но директорам этих хозяйств товарищам Кузнецову и Хлысталову, видимо, больше по душе культивировать сорняки.

Нет, синий конверт был послан не отсюда. Пожалуй, нужно ехать в Талдом, как советовал наш активист.

И вот мы на станции Талдом. Окружающие ее холмы и холмики исключали сходство с нашей фотографией, но зато пробудили в нас альпинистский азарт. Какие здесь курганы! Конечно, они насыпаны в давно минувшие века над могилами великих воинов.

И тут резким диссонансом в наши уши ворвался противный вой тракторов. Что это? Уж не сносят ли холмы, эти памятники древней культуры?

Мы направились к грузовому вагону, одиноко стоящему на краю болота из равных долей снега, грязи, песка и белого сыпучего вещества. В середине этого месива бились застрявшие трактора и экскаватор.

— Какой олух загнал механизмы в эти хляби? — спросили мы одного из многочисленных зрителей.

— Дело обычное, — словоохотливо отвечал тот. — Прибыл вагон с

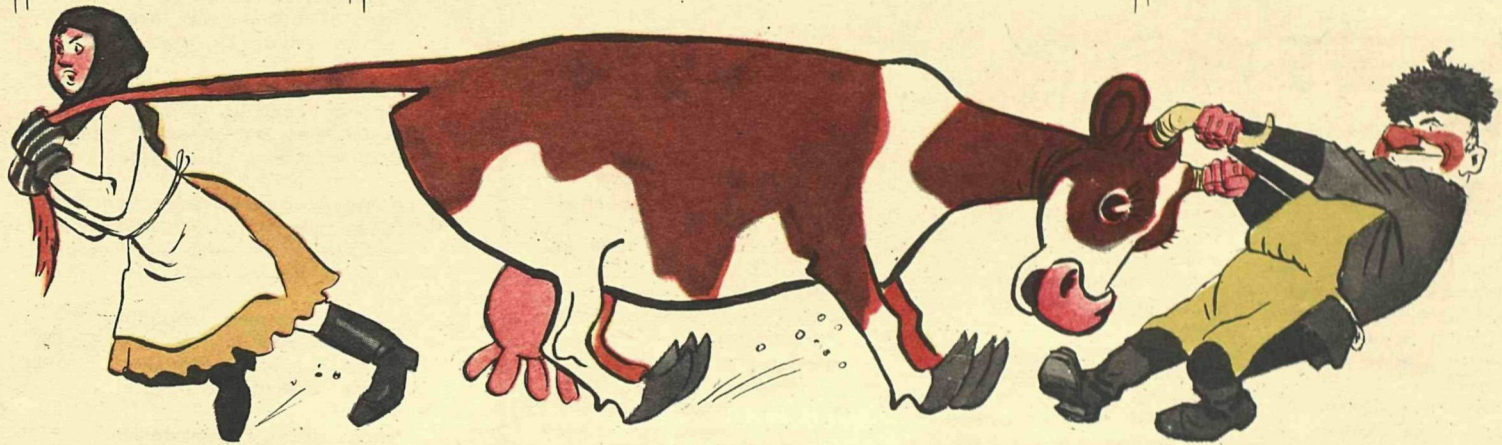
ОБЯЗУЕМСЯ
К КОНЦУ
ГОДА СДАТЬ
МОЛОКА
10000 ЛИТРОВ

Некоторые работники безрассудно берут и навязывают другим завышенные обязательства, не учитывая при этом реальных возможностей.

(Из материалов январского Пленума ЦК КПСС).

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ОБЯЗУЕМСЯ
К КОНЦУ
ГОДА СДАТЬ
МЯСА 7,5
ТОНН



НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ

удобрениями, а ссыпать их некуда. Чтобы местечко освободить, нужно старые удобрения вывезти. Вон их сколько здесь, — показал он нам на «старинные курганы».

Оказалось, что удобрения принадлежат совхозам «Правда» и «Красное знамя». И лежат они с июля прошлого года.

— Почему же их не вывозят?

— Детский вопрос, — раздался голос неслышно подошедшего товарища Куликова, директора совхоза «Правда». — Морозов ждем. Нешто по такой дороге навозишься?

— А вы бы дороги отремонтировали.

— Немыслимо! Для этого нужно удобрения вывезти.

— Так вывезите.

— Невозможно. Без хорошей дороги не вывезешь.

И тут у нас мгновенно созрело решение. Отложить разгадку синего конверта пока в сторону и заняться более важным, не терпящим отлагательства вопросом — спасением гибнущих удобрений. Надо сообщить результаты наших наблюдений в управление сельского хозяйства Московской области. Пусть немедленно примут меры, накажут виновных. И мы отправились в Москву.

Против ожидания в областном управлении никто особенно не удивился нашему сообщению. Очевидно, «прозябание» удобрений на станциях стало чем-то обязательным, вроде одной из сельскохозяйственных работ, скажем, боронования или культивации.

— Это нам известно. Всего по Московской области на станциях лежит более ста пятнадцати тысяч тонн минеральных удобрений, не считая торфа, — пояснили нам в отделе растениеводства. А потом добавили:

— Вообще-то область сильно нуждается в удобрениях. Наша заявка была выполнена еле наполовину. Особенно плохо с азотистыми.

Мы, признаться, подумали: «Неужели еще не все станции московской дороги засыпаны удобрениями? И, собственно, почему низины и болота лучше засыпать азотистыми?»

И не все равно, чем удобрять почву, где произрастают сорняки?»

Тогда мы вспомнили о фотографии и показали ее работникам отдела. Они ничего определенного не сказали.

— А шут ее знает. Может, у нас снято, а может, и не у нас. Ведь не только в нашей области лежат удобрения. Если хотите знать, то и в других областях что-то вроде наблюдается. Правда, мы на первом месте, за нами Калининская область, на третьем месте — Белоруссия.

Вконец расстроенные, мы отправились в редакцию и застали там одного из наших сотрудников, вернувшегося из командировки в Архангельскую область.

— Не ломайте себе голову! — радостно закричал он. — Я вам скажу, где сделана эта фотография: станция Плесецкая, Приозерного района. Там удобрения лежат давным-давно.

— Ты нам лучше скажи, где они не лежат.

— Пожалуйст! — отпартовал журналист. — Нет их на станции Подюга, Коношского района. Тамошние колхозники из артели «Путь к коммунизму» добиваются, чтобы им дали хоть сто пятьдесят тонн на год, но никак не могут допроситься. А у соседей — целые завалы. Так мудро распорядилось Архангельское областное сельхозуправление.

В комнату, запыхавшись, вбежал почтальон.

— Вам срочный пакет! Авиа, заказной! — кричал он. — Видимо, очень важный.

И бросил нам на стол... второй синий конверт. Точную копию того, который доставил нам столько хлопот. В нем оказалось небольшое письмо. Оно гласило:

«Дорогие товарищи! Прошу извинить. В спешке я послал вам только фотографию, а объяснение осталось у меня дома. Так вот. Этот снимок сделан на станции Юратишки, Гродненской области, Белорусской ССР. Здесь более четырех месяцев лежит 500 тонн удобрений, принадлежащих колхозам имени Заслонова, имени Янки Купалы и «Победа». Прошу принять меры. Ваш читатель Н. Коржув».

*

С кем мы только не беседовали, будь то директора совхозов или председатели колхозов, все в один голос жаловались на недостаток транспорта, на дороги и на тысячи других причин, которые им очень хотелось бы подвести под рубрику «объективных».

Конечно, если очень постараться, объективных причин можно насобирать еще больше. Но не лучше ли употребить время и энергию на более полезное дело — обеспечить сохранность удобрений. Чтобы не станционные тупики удобрялись ими, а поля колхозов и совхозов. Этого требуют от нас интересы развития и укрепления сельского хозяйства. Именно так говорилось на январском Пленуме ЦК КПСС.

Рейдовая бригада Крокодила — Н. БАЖЕНОВ, Г. ДУБИНСКИЙ, Е. ЦУГУЛИЕВА, А. ЮРЧЕНКО.





ВЗДОХИ НА СКАМЕЙКЕ...

Это рассказ о Морковине. Об очень занятом человеке, ответственном работнике исполкома.

И еще в нем действует пожилая женщина — гражданка Ануфрикова, как она представилась Морковину.

Раньше они никогда не встречались. Наверняка не познакомились бы и сейчас, если бы не одно обстоятельство: в квартире Ануфриковой надо ускорить ремонт.

Несколько раз приходила Ануфрикова на прием к Морковину, но проникнуть в его кабинет никак не могла. Попыталась решить вопрос с сотрудниками пониже рангом, но они отвечали:

— Ваше дело в компетенции товарища Морковина.

И вот Ануфрикова снова в приемной. И опять секретарь говорит:

— Вряд ли, бабуся, сегодня что-нибудь у вас состоится. Приходите послезавтра.

— Нет, — заявляет посетительница. — Буду сидеть, пока не дожусь! Я на всякий случай даже обед сухим пайком захватила...

И вот встреча произошла. Получилось это случайно. Прервав свои занятия, Морковин вышел во внутренний дворик: подышать кислородом. Секретарь кивнула Ануфриковой: вот, мол, он. Не теряйся, бабуся!

Бабуся не растерялась и через минуту сидела рядом с ним на скамеечке.

— Товарищ Морковин? — спрашивает посетительница.

— Э! — неопределенно отвечает он, глядя в сторону.

— Товарищ Морковин, распорядитесь...

— Д-э-э... — протягивает Морковин.

— Что-что вы сказали? Морковин поворачивается к ней, и она видит его лицо — бледное и кислое-кислое, как у человека, страдающего изжогой.

— А я разве с вами разговаривал? Это я с собой.

— Два слова.

— Слушайте, гражданка, я вышел на пять минут. Запарился. Понимаете?

— Вы войдите в мое положение!..

— И вы войдите.

Борис ЕГОРОВ

— А какое у вас оно, положение?

Морковин закидывает ногу на ногу и горько усмеивается.

— Вот вы тут приходите, ругаетесь... А я ведь один... — Ну и что?

— Как что? — раздраженно говорит он. — Вы пообедали, да? А я — нет. И так чуть ли не каждый день. Ложитесь спать в одиннадцать? А я — нет. Когда бюллетень, — дома сидите? А я — нет. У меня вот он и сейчас, бюллетень...

Ануфрикова жалостливо смотрит на своего собеседника и, неожиданно переходя на «ты», спрашивает:

— Да что же это у тебя за работа такая?

— Вот я и говорю: войдите в мое положение.

— Вхожу, вхожу...

— Каждый день расписан, как на железной дороге. В понедельник — исполком, во вторник — оперативное совещание, в среду — сводка, в четверг — «пятиминутка»...

— А если поменьше устраивать этих совещаний? Или кто-то другой их проведет...

— Ну и темная же вы женщина! Кто же, кроме меня, может?

— Этого я, конечно, не скажу. Я у вас никого не знаю.

— Или взять прием. У меня две очереди: одна — граждане, другая — свои сотрудники.

— А что, сотрудники в очереди стоят? Пусть они сидят по комнатам и работают...

— Ну да. Они работают. Но решать-то не могут. Иначе что же это будет, анархия?

— Такое слово мне неизвестно, — говорит Ануфрикова. — Но получается что-то вроде... Стоят они у вашей двери и ляссы точат.

— А что я могу сделать? Я один.

— Ну, милый, а актив у тебя какой-нибудь есть?

— Актив? А кто с активом должен работать? Опять я? Попробуй, устранись. Тут такое нарубят... Вот и горишь! Ни сна, ни отдыха.

— Не спать — это уж последнее дело, — осуждающе говорит Ануфрикова. — Ну, а личная жизнь у тебя какая-нибудь есть?

Морковин строго смотрит на нее, выдерживает паузу и спрашивает:

— Вы что, смеетесь?

— Какой уж тут смех!

Тут этим самым пахнет... как его? Сейчас это модная болезнь... Инфарктом!

— Так он у меня уже имеется...

— О-о! — сокрушенно покачивает головой Ануфрикова. — Такой молодой...

— Если бы только один инфаркт. Тогда бы жить можно! А то и печень, и почки, и невроз... Месяц назад врач один рецепт выписал — и никак эту вещь достать не могу. Зашел в аптеку, а там говорят: «Нет». А дальше искать времени не хватило...

— Да ты одиночкой, что ли, живешь? — ужасается Ануфрикова. — Ну да, понимаю. От такого любая жена сбежит...

— Ха-ха! Никуда она не сбежала. Я ее на курорт отправил...

— Эх-хе-хе... — вздыхает Ануфрикова. — Ну, скажу, не завидую тебе! А где этот рецепт? Дочка моя фармацевтом работает. Так она достанет...

Морковин погружает руку в карман и извлекает оттуда смятую бумажку...

...Когда Ануфрикова пришла домой, дочь спросила ее:

— Была у Морковина?

— Была.

— Распорядился? Дал какую-нибудь бумажку?

— Дал. Вот.

— Мама, ты что-то напутала. Это рецепт.

— Вот-вот. Он самый. Понимаешь? Помереть человек может. Мне его так жалко стало! Прямо чуть не разревелась...

— Ну, а зачем ты пошла, добилась чего-нибудь?

— Да нет, дочка. Я об этом вспомнила, когда уже здесь на лестницу поднималась...

Расул РЗА,
народный поэт Азербайджана

«БАШ УСТА»

Я у нас в Азербайджане
Повстречал одно село.
Не приметно, не бесцветно,
Не огромно, не мало.

Необычного, пожалуй,
Нет в селе том ничего.
Только странная привычка
Есть у жителей его.

Что бы вы ни запросили,
Попадая в те места,
Вам с готовностью ответят:
— Все исполним, баш уста!

— Молоко желаю птичке, —
Простят дерзкие уста.
— Птичке? Это в наших силах.
Все исполним, баш уста!

К председателю колхоза
Груз тревог своих несую:
— Скот у вас еще без крыши,
А морозы на носу.

— Что касается морозов,
Что касается скота,
Дорогой, не сомневайся,
Будет крыша! Баш уста!

Через месяц возвращаюсь:
Ни дверей, ни окон нет,
Скот на улице ночует,
Не ухожен, не согрет.

Как беззубый рот старухи,
Крыши впадина пуста...
Вот тебе и «Будь спокоен!»,
Вот тебе и «Баш уста!»



Выхожу в поля к бригадам,
Веселится молодежь —
Ожидает, что уборку
Проведет осенний дождь.

Все коробочки раскрылись,
Ветром хлопок рвет с куста.
Спрашиваю: — Что с уборкой?
Отвечают: — Баш уста!

Может, взялись за уборку?..
Только в поле за селом,
Вижу, спорится работа
За обеденным столом.

Дым столбом стоит над пловом.
Не ушел никто с поста.
Тост за тостом: «За уборку!»
Хор стоустый: «Баш уста!»

Если б рифм я к поговорке
Подобрал побольше ста,
До утра бы рифмовал я
Их ответы: «Баш уста!»

Но ко мне их председатель
Обратился неспроста:
— Нас воспой в стихах, товарищ!
Я ответил: — Баш уста!

Перевод Анисима КРОНГАУЗА.

«Баш уста» (азерб.) — выражение, означающее: будет готово.



ИЗ ФОТОАЛЬБОМА ОДНОГО ДОМА ОТДЫХА

Портрет массовика и отдыхающих.

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

«МЕЛКИЕ ПРОИСШЕСТВИЯ»

Борис КОТЛЯРОВ

На улице встретились двое знакомых.

— Какие новости? — спросил один другого.

— Ты знаешь, писатель Сергей Г. несколько дней был в ссоре с женой. Сидел за столом и случайно уронил на пол кусочек мяса. Мясо съела собака. Жена устроила мужу страшнейший разнос. А он — шапку в руки и поехал обедать в «Будапешт». В другие дни он обедал в «Берлине», «Национале», «Праге»...

— Пстой, пстой! К чему мне эти мелочи писательского быта?

— Ой, но самое смешное... — продолжал рассказчик. — Ты только послушай. Писатель Иван Б. пришел домой, лег и заснул с папиросой. И говорит, что не был пьяным. А сосед заявляет: «Был». Так вот. Возник пожар. Сбежались люди с огнетушителями. А огнетушители... дали осечку. Молчат. Ха! Но огонь, в общем, погас сам. А через несколько часов все пять огнетушителей, оставленные соседями в писательской комнате, сработали... Пены — до потолка, а писатель...

— Хватит! — перебил рассказчика его собеседник. — Ни смешного, ни занимательного, ни поучительного в этих домашних историях нет. Любят же некоторые о писателях гордиться разные разности! Больше бы книжками интересовались.

— А все-таки смешное есть. Ты не до слушал. Смешное в том, что эти рассказы я узнал не в парикмахерской, а из газеты «Литература и жизнь». И автор их — писатель Георгий Гулиа.

В доказательство рассказчик развернул газету и указал на то место, где было написано: «Георгий Гулиа. Из устных рассказов моих друзей. Мелкие происшествия».

Что верно, то верно: мелкие. И даже очень!

Как говорится, ни морали, ни этики.

Вижу книжки у мальчишек.
А слова в названьях книжек:
«Тайна»... «Суд»... «Загадка»... «След»...
«Преступление»... «Секрет»...
Может, старые изданья!
Может, старые изданья!
Нет! Взгляните! Дата есть,
Только что из-под машины,
Только что из магазина!
А тираж-то знаков шесть!

Для такого сочиненья
Много ль надобно уменя!
Все лепи хоть как-нибудь,
Об одном не позабудь:
Чтоб в названье было слово
Что-то вроде вот такого:
«Тайна»... «Суд»... «Загадка»... «След»...
«Преступление»... «Секрет»...

И торговый представитель
Глянет в список новых книг,
Скажет: «Вы меня поймите...
Каждый автор здесь велик!
Что ни книга — то открытие!
Но... для плана отгрузите
«Тайну»... «Суд»... «Загадку»... «След»...
«Преступление»... «Секрет»...

Рады все — издатель, автор,
Продавец... А сколько завтра
Тех же книжек выйдет в свет!..
Рассказал я очень кратко,
В чем тут тайна,
В чем загадка,
В чем секрет,
Откуда след.

г. Харьков.

СКОЛЬКО ИХ!..

УЛУЧШИЛИ!

Можно ли улучшить стихи А. С. Пушкина? Конечно, отвечает автор «Путеводителя по Северному Кавказу» С. Ширяев и редактор Л. Харченко (Ставропольское книжное издательство, 1960 г.). Только сделать это надо тонко: сослаться на авторитет М. Ю. Лермонтова. На стр. 101 «Путеводителя» читаем:
«В ясный день, когда горизонт чист, с вершины Машука хорошо видна цепь снежных гор Кавказа. Вначале она кажется неподвижной грядой облаков. Это впечатление хорошо выражено М. Ю. Лермонтовым.

Великолепные картины.
Престолы вечные снегов.
Очам казались их
 вершины
Недвижной цепью
 облаков.

И в их кругу Казбек
 двуглавый.
В венце блистая ледяном,
Эльбрус, огромный,
 величавый.
Белел на фоне голубом».

Да нет же, товарищи С. Ширяев и Л. Харченко, это не М. Ю. Лермонтов. Пушкин это, Александр Сергеевич, но только исправленный и дополненный вами.

Вы обиделись, что поэт ограничился описанием Эльбруса: «И в их кругу колосс (речь идет об Эльбрусе) двуглавый». А как же Казбек? Ведь тоже достопримечательность Кавказа. Не упомянуть об этом грешно.

И в творческом напряжении вы даете путеводительский вариант строки «И в их кругу Казбек двуглавый». А потом вам не понрави-

лось, что Эльбрус... «Белел на небе голубом». Пусть он лучше белет на фоне, а не на небе. Получилось довольно мило:

«Эльбрус, огромный
 величавый,
Белел на фоне голубом».

В конце книги приведен список литературы, использованной автором при работе над путеводителем. Здесь 106 наименований. Мы предлагаем 107-е: Пушкин А. С. «Кавказский пленник». Кстати, при использовании этого литературного источника советуем уважительно отнестись к восхитительному знаку в строке «Великолепные картины!» Одним словом, позвольте А. С. Пушкину остаться А. С. Пушкиным.
Ю. М.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Сегодня, читатель, мы приглашаем тебя на необыкновенное цирковое представление. На арене — буржуазные реакционные философы. Они ходят на руках, завязываются узлом, гипнотизируют желающих из публики, показывают фокусы, танцуют на проволоке. Всего не перечислишь, что они выкамаривают. Финансирует циркачей от философии мистер Капитал. Желание угодить его вкусам чувствуется в каждом цирковом номере, то бишь философском течении.

Мы не показываем сегодня примелькавшихся пошляков, которые, перебросив левую ногу через правое плечо, чертят на опилках манежа: «Марксизм устарел». О них будет разговор особый. Сегодня только оригинальные номера.

Итак, просим занять места. Пр-р-р-представление начинается!

ТЕМНЫЕ МЫСЛИШКИ ЯСПЕРСА

Когда при Карле Ясперсе говорят, что философия — это прожектор, светоч или, на худой конец, факел, освещающий пути-дороги человеческого бытия, он презрительно фыркает. Западногерманский философ Ясперс — сторонник затемнения, как умственного, так и такого, которое достигается с помощью черных штор на окнах. «Да будет тьма!» — его лозунг. «Ход событий непознаваем», — уверяет он, — и нечего пытаться заглядывать в будущее.

Если бы Ясперс ограничился этим постулатом, он заслуживал бы упоминания только в телефонной книге. Но Ясперс не зря напускает мглу и туман. «Перед лицом непостижимости человеческой судьбы любая борьба за или против войны в мирное время является совершенно безнадёжной», — объявляет он.

Философия Ясперса устраивала Гитлера. И кое-кого в ФРГ тоже устраивает. Тем более, что Ясперс внес в свое «учение» атомные поправки. Воры, пользуясь темнотой, проносят узлы с краденым добром, а Ясперс в философских потемках протаскивает атомную бомбу. Борьба против атомной бомбы напрасна и опасна, поучает он.

Что? Бомба — это зло? Ну, это вопрос привычки. Ясперс советует страждущему человечеству не нервничать понапрасну: «Если каждый человек живет с мыслью о неизбежности смерти, то почему не может столь же полноценно жить с этой мыслью и общество!»

Все эти темные мыслишки Карл Ясперс развил в книге «Атомная война и будущее человека».

Фельетон, даже маленький, должен иметь смешную и по возможности неожиданную концовку. Здесь нам помог президент Западной Германии. Когда книга Ясперса вышла в свет, он наградил автора... «Премией мира!»

БЛАГОДАРИТЕ БОГА

Удивительно энергичный человек — мистер Норман Винсент Пил. Мало того, что он священник одной из крупнейших и старейших протестантских церквей в Нью-Йорке, редактор религиозного журнала «Гайд-пост», проповедник и писатель, — мистер Пил к тому же с успехом выкраивает время на философию.

Правда, философия у него не слишком мудреная. Мистер Пил, как человек занятой и практичный, не ломает себе голову над тайнами бытия. Его философская система называется «позитивным мышлением» и призвана в одночасье осчастливить каждого, кто к ней приобщится, заплатив, разумеется, пару долларов за очередное сочинение автора.

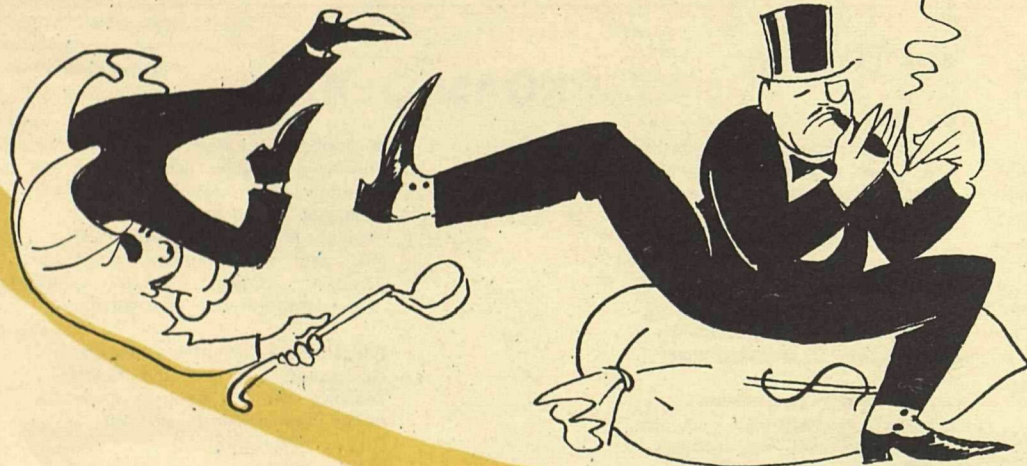
Итак, у вас нашлась пара долларов и вы хотите быть счастливым. Вот рецепты.

У вас трудности? Отлично. Мистер Пил говорит: «Благодарите бога, что у вас есть трудности. Это признак того, что вы живы!»

Примерно к этому и сводится вся философия «позитивного мышления». Не думайте о плохом. Наоборот, считайте, что во всем плохом есть нечто хорошее. Проникшись, таким образом, «позитивным мышлением», смело встречайте невзгоды.

Вы мало зарабатываете и не можете свести концы с концами? Отлично, это огромная радость. Смейтесь, танцуйте и веселитесь. Ведь вы могли зарабатывать еще меньше или не получать вовсе ни цента.

Впрочем, в искренности мистера Пила вряд ли можно усомниться. Ведь ему лично философия «позитивного мышления» принесла немало долларов, и он прекрасно справляется при ее помощи с «жизненными трудностями».



МНОГОДНЕВНЫЕ ГОНКИ ЛЖЕЦОВ

Восточный феномен

Тур во Брех

На приз Крокодила

Внимание, внимание! На третьем этапе лидерство прочно захватил новый, малоизвестный спортсмен. Обратите внимание на его не первой свежести чалму и расшитое восточным орнаментом седло. Вы, конечно, понимаете, что такая спортивная форма могла появиться только на Востоке, скажем, в Иране.

Правда, надо заметить, что под нарядным седлом — довольно грубоватая машина фирмы «Ажаньг». К

слову сказать, так же называется одна выходящая в Иране газета.

Отдадим должное велогонщику. Несмотря на устарелую конструкцию веломашинки, он развил солидную брех... простите, скорость! Правда, с его передним, я бы сказал, ведущим, колесом творится что-то непонятное. Оно оставляет на земле какие-то знаки. Это явно не отпечаток от шин. Позвольте, да это же персидские письмена! Дыханием веков веет от этих изображений. Так и вспоминаются Саади, Хафиз. Но минуту, письмена складываются в слова. Вспотеем внимательно. Ого, этот гонщик солидно наследил! Вот что можно прочесть: «В Советском Союзе Коммунистическая партия разослала своим

членам циркуляр, в котором запрещено пользоваться книгами Толстого».

Вы замечаете, как велосипедист наращивает скорость? Он явно стремится побить все существующие рекорды.

«Толстой, который энциклопедиями мира признан одним из величайших писателей, сегодня отвергнут и осужден международным коммунизмом».

«Ажаньг» рвет финишную ленточку. Да, это рекорд, безусловно, рекорд!

Мы получили несколько записок. В них говорится: «Просьба рассказать подробнее о конструкции «Ажаньг» и о том, как ей удалось

доб
Мь
тол
лей
вед
ско
да,
кот
явл
ста
рош
ход
Сле
мар
ры
го

Р
«Ту

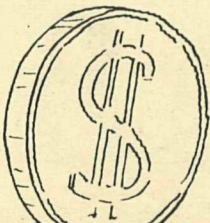
«ТЕХНОКРАТЫ»-ИЛЛЮЗИОНИСТЫ

Повар ресторана был философом в душе. Переворачивая бифштекс на сковородке, он размышлял: «А в сущности-то, хозяин ресторана я, а не мсье Жульен. Мсье, он только капиталы свои пересчитывает. Это просто, это каждый школьник умеет. А пусть вот мсье попробует изжарить бифштекс с кровинкой, так, как это умею делать я. Не сможет. Значит, я и есть хозяин ресторана. Вот возьму завтра и сварю три котла манной каши».

Повар не умел изложить свою философскую систему в печатном виде. А «технократы», те могут. Эти мудрецы доказывают, что, поскольку фабрикант сам на фабрику не заявляется, передоверив управление производством инженеру, значит, инженер и есть хозяин. Французский философ от технократии Жорж Випль пишет так: «В настоящее время техника производства стала слишком сложной наукой, овладение которой — гораздо более трудное дело, нежели простое приобретение капиталов. В результате подлинное могущество оказывается на деле не у тех, кто обладает средствами, а у техников».

Простите, мы отвлеклись и забыли рассказать, чем кончилось дело у повара. Он действительно заявился к мсье Жульену и объявил, что поскольку он сам хозяин, то по нечетным числам будет варить одну манную кашу. Через пятнадцать минут семнадцать секунд у плиты стоял новый повар. А старый, склонный к философическим раздумьям, мчался, опережая собственный визг, на биржу труда.

«Технократу» Виллю не угрожает такая страшная судьба. Ведь он только мило щебечет о власти техников. На реальную власть реальных хозяев он, упаси господи, и не посягает. Ну, а хозяев щебетание «технократов» вполне устраивает. Миллионеры любят держаться в тени.



У КОВРА — БАЛДУИН НОЛЛЬ

(Отрывок из рецензии)

...Публика от души смеялась над шутками Балдуина Нолля. Он вышел на арену в мантии западногерманского доктора философских наук. Под мышкой он нес толстый том. «Это мое новое сочинение, — возвестил Нолль. — Называется «Философия и политика». При этом он глубококомысленно похлопал по переплету.

Одаренный эксцентрик начал с того, что положил том на землю, встал на него, как на постамент, и выкрикнул блестящим голоском: «Люди делаются на простых, примитивных и благородных. Я благородный!» Эффект этой шутки усугублялся тем, что Нолль произнес ее с абсолютно серьезным видом. Затем, путаясь в длиннополой мантии, он встал на голову и, мерно покачивая в воздухе

ногами, изрек: «Познание ведет к гибели. Укротим, братья, развязанную страсть к познанию». Публика стонала от смеха.

Способный клоун умело создал образ мракобеса, который поклоняется кулаку и презирает интеллект. В ответ на предложение администратора манежа покинуть арену и освободить место для следующего номера Балдуин Нолль отрицательно помотал головой. «Что же мне с вами делать?» — спросил администратор. Нолль раскрыл свою книгу на 52-й странице и громко прочитал: «Остается достичь политической силы, того еще нельзя достичь разумом».

После этого администратор уверенно взял клоуна-философа за шиворот и выпроводил с арены.

ЗАЖИМАЯ РОТ РУКОЙ...

У каждого могут быть свои антипатии. Один не любит цветную капусту, другой — балетные спектакли. Американские философы, принадлежащие к направлению так называемой «общей семантики», тоже имеют свои антипатии. Главная из них — живое слово. Да что там антипатия! Семантики клянут слово, как инквизитор еретика; они презирают его, как щеголь презирает позапрошлогодний фасон пиджака.

«Чтобы правильно отобразить объективный факт, — писал один из столпов «общей семантики», Кожибский, — необходимо прежде всего указывать на него пальцем и сохранять при этом как внешнее, так и внутреннее молчание, которое, в свою очередь, мы можем показать тем, что зажем рот другой рукой».

Вот, оказывается, где зарыта философская собака. Действительно,

как было бы хорошо, если бы по всему миру распространились блестящие мысли семантиков! Сколь удобна была бы, например, система семантиков в Организации Объединенных Наций, где делегаты, вместо того, чтобы обличать происки империализма и колониализма, тихонько зажимали бы себе рты!

Да и самим философам было бы не житье, а тихий семантический рай. В торжественной тишине сидели бы жрецы чистой науки, сохраняя полнейшее молчание. Они даже не мычали бы, не сопели и не храпели. Полнейшее молчание! А потом председатель знаками показал бы, что дискуссия прошла чрезвычайно оживленно и явилась новым крупным вкладом в философию.

Поистине неисчерпаемы возможности «общей семантики»!

Мелкой дробью

В то время, как Бенито Муссолини предпочитал из музыкальных инструментов военные барабаны, его сын Романо, 33 лет, зарабатывает себе на жизнь в качестве джазового пианиста.

Но при всем различии музыкальных вкусов вкусы сына в политике целиком совпадают с папиными. На днях Романо заявил корреспондентам: «Я охотно бы стал фашистом и сейчас и в любое время».

Что значит послушный ребенок...

Разведывательное ведомство США ищет 15 слепых для изучения

русского языка в течение двух лет. Как объяснил представитель этого ведомства, слепые обладают лучшим слухом и легче усваивают чужой язык.

Очевидно, что слепцы вообще пользуются большой популярностью у Аллена Даллеса...

Американский психолог Гертцел после тщательного изучения биографий нескольких сотен выдающихся, с его точки зрения, людей пришел к выводу, что в счастливых семьях мало шансов на развитие талантов у детей. Следовательно, чем беспокойнее семейная

жизнь и чем больше неприятностей в доме, тем больше шансов, что дети станут гениями.

Короче говоря, побольше скандалов дома. Помните, что у вас дети!..

В кассельском оперном театре (Западная Германия) поставлена опера Винфрида Циллера «Самопожертвование». В ней главная роль принадлежит пингвинам. Судя по сообщениям печати, постановка была встречена холодно.

Автора, очевидно, это не смущает: ведь пингины не переносят тепла...

итьсь подобных результатов». пригласили известных ориенталистов, иранистов и толкователей Корана. И вот что они нам по-

али. «Ажаныг» — слово древнеперсидское. Оно обозначает морщины. Да, самые обыкновенные морщины, морщины, как нам объяснили, появляются либо от злобы, либо от радости. Ну, что же, все это точно согласуется с тем, что выйдя из-под колес «Ажаныг», морщина злоба плюс старческий размах плюс заонежские трене — вот секрет успеха одаренного гонимца.

епортаж о третьем этапе гонок «р де брех» вел

Яков МАЛЫКИН

Нейлоновая шубка



НОВЕЛЛА О ПРЕУСПЕВАЮЩЕМ СТОМАТОЛОГЕ

Глава третья

Жених из Ленинграда. Отдайте мою дочь!
Микроинфаркт.

Исидор Андрианович не любил жену, родственников, Глашу, соседей, коллег, конкурентов, земляков — словом, всех окружающих его людей. Любви стоматолога не мог удостоиться ни один из двух миллиардов девяносто миллионов жителей нашей планеты, если не считать дочери. Дочь он обожал. Он питал к ней самые трогательные, самые нежные отцовские чувства. Ей он и купил нейлоновую шубу.

Исидор Андрианович с трепетом ждал приезда своей Настеньки. Кажется, совсем недавно она поступала в институт. Только вчера уехала в Ленинград на учебу. И вот нате вам! Дочь — геолог, дочь — невеста! Какое счастье, что она возвращается в Москву!

Вернуть родное чадо в столицу было не так-то просто. Исидору Андриановичу безумно повезло. Судьба сослему бросила в его зубоврачебное кресло корчившегося от боли председателя комиссии по распределению студентов. Командированный в Москву председатель света белого не видел. И тут стоматолог превзошел самого себя. Он удачно удалил больной зуб, запломбировал два других, снял камень — словом, привел челюсти председателя в такое идеальное состояние, что тот мог бы сжевать брусок легированной стали, будь на то желание. Вместе с зубом Исидор Андрианович вырвал у своего пациента обещание направить дочь на работу в Москву.

Настенька приехала под вечер. Несмотря на поздний час, в мрачной, затемненной квартире Вадмаевых заиграли солнечные зайчики. После традиционных объятий, поцелуев, беспорядочных распросов стоматологу был нанесен первый удар.

— Папа, я должна сообщить тебе одну важную новость, — сказала Настенька.

Глядя на откровенно счастливое лицо дочери, Исидор Андрианович почувствовал, что у него сжалось сердце.

— Только не пугайся, папочка, — заспешила Настенька. — Он хороший парень. Я люблю Владика уже давно, целых полгода!

— Какой парень? Что за Владик?

— Владик — это мой жених!

Наступила нехорошая пауза. Исидор Андрианович оперся волосатой рукой о край стола. Его железная длань постыдно дрожала.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо!

Жена стоматолога Раиса Федоровна на всякий случай заплакала.

— Ты что, не могла обождать? — динялым голосом спросил дочь Исидор Андрианович. — Тебе было невтерпез?

— Но если я его полюбила...

— Полюбила! Десять тысяч раз ты еще могла полюбить!

— Погуляй, дочка, на воле! Не суй голову в ярмо! — заприметила Раиса Федоровна. — Поживи в свое удовольствие!

— Такие молоденькие! — поддакнула Глаша.

— Что за спешка?! Тебе негде было жить? Нечего было есть?! Ты старая дева?! — закричал Исидор Андрианович.

— Он богатый? — догадалась Глаша.

— Как вам не стыдно, Глаша! — покраснела Настенька. — Он такой же студент, как и я!

— Студент? Понятно! Одна пара брюк, дырявый макинтош и полуботинки на все случаи жизни, — с нескрываемым сарказмом сказал стоматолог. — Лучшего и желать не надо!

Исидору Андриановичу не пришлось размусливать свои переживания. Раздался звонок, и Глаша, чертыхаясь, пошла открывать дверь.

В комнату вошел высокий, нескладный парень в стареньком, хорошо промытом ленинградскими дождями плаще.

— Это мой Владик! — сказала Настенька, исторгая из глубин своего существа волны любви и света.

Парень вытер запотевшие очки, его милое и некрасивое лицо изобразило крайнюю степень смущения.

Стоматолог тяжело поднялся со стула. Небрежно кивнув в сторону парня, он сказал Глаше:

— Вечерний прием сегодня отменяется.



— А с острой болью? — спросила Глаша.

— С болью? — переспросил Исидор Андрианович, и на его лице возникла трагическая усмешка. — А как быть с моей болью? Какой врач ее снимет? Не знаешь, Глаша?

Стоматолог пошел в кабинет, тяжело волоча ноги.

— Я подумаю, Настенька, — сказал он в дверях.

Исидор Андрианович думал неделю. Внешне жизнь семьи Вадмаевых шла своим чередом. Стонали пыльные старушки, стоматолог пересчитывал захваченные десятки. Чертыхалась Глаша. Как-то вечером опять пришел Владик. Стоматолог демонстративно удалился в свой кабинет и вышел оттуда лишь спустя час. Исидора Андриановича шатало.

— Украли! — сказал он Владике. — Увели!

Владик страшно смутился.

— Поверьте, Исидор Андрианович, — начал было он. — Я...

— Единственное счастье, единственную радость украли!

— Папочка, меня никто не крад! — сказала Настенька.

— Машину украли! — рывкнул стоматолог и, схватившись за сердце, повалился на диван.

Через две недели Глаша сделала для дворничихи очередной суммированный доклад о событиях в доме зубного врача.

— Как он, значит, на диван повалился, так и не встал!

— Придуривается, — поставила диагноз дворничиха.

— Понаехали врачи. Инфаркт, говорят.

— Неужто помрет?

— Нет, уже вставать начал.

— Я же говорю: придуривается. А Настенька как?

— Уезжает. Не хотим, говорит, папа жить в Москве. Не нужна нам ваша квартира...

— Не с руки, значит...

— Ага, не подходяще. В Сибирь уезжают. Дескать, для ейного Владика работа там самая наилучшая. Дескать, там он развернется у полную силу, а здесь ему развороту не будет.

— Молодой, молодой, а денгу, видать, любит!

— А как же иначе! И, дескать, ей надоно в Сибири жить — в тундре камень искать... Там, говорит, работа меня внутренне удовлетворяет, а тут не удовлетворяет...

— Стало быть, тоже свой рубль ищет! А как он, живодер?

— Не спрашивай! Как про камень услышал, так у него язык отнялся. Сидит, ушами двигает...

— Переживает, значит!

— Страсть как переживает. Он ей и так и этак: здесь вам и комната, и отопление, и освещение, и родители, и богатство, — а она головой мотает...

— Отделиться хотят...

— Я ей и то говорю: как же ты, Настенька, у тундре жить будешь, может, там мануфактуры и вовсе нет? Не слушает!

— Свое доказывает...

— Напоследок Исидор Андрианович вынул шубку красоты неопишущей. А Настенька не берет!

— Отказывается, значит?

— Спасибо, говорит, папа, только такая шубка в тундре будто ни к чему. Не носильная она в тундре вещь!

— Ну раз такую вещь не берет, значит, все! — заключила Хабибулина.

Прошла еще неделя. Настенька и Владик уехали в Сибирь. Исидор Андрианович встал с постели. Машину так и не нашли. Шубку он понес в комиссионный магазин.

Веня-музыкант встретил стоматолога без особых почестей. Он не высказал и большого удивления. С деланным равнодушием он распластал нейлоновое диво на прилавке, до блеска отполированное вещами.

— Не трудитесь. Можете не изучать ее. Она ненадежная, — сказал Исидор Андрианович.

— Я не столько изучаю, сколько думаю, — ответил Веня.

— Вы, оказывается, по совместительству еще мыслитель, — заметил стоматолог.

Веня пропустил мимо ушей бестактную остроу.

— Я думаю о том, — сказал он, — во сколько оценить этот заграничный ширпотреб.

— Выпадение памяти — первый признак склероза, — сказал стоматолог. — Неужели вы запомнили, что я заплатил вам четыре тысячи!

— Я никогда ничего не забываю, — сказал Веня. — Просто жизнь идет вперед. Ситуация, к сожалению, изменилась. Матильда Семеновна, сколько нам принесли вчера на комиссию нейлоновых шуб?

— Шестнадцать! — не моргнув глазом, соврала приемщица.

— Вот видите! Из-за рубежа приехал какой-то ансамбль песни и пляски. Актрисы начали распродавать шубы. Они узнали, что импортный нейлон гнется и ломается при наших морозах!

— Это ужасно! — сказал стоматолог. — И что вы предлагаете?

Продолжение. Начало см. в №№ 1 и 2.

— Мы можем теперь дать только три с половиной тысячи рублей.

— Побойтесь бога, Веня! Вы расцениваете свою байку про ансамбль в 500 рублей? Не слишком ли это дорого?

— Какая байка! Это же факт...— начал было Веня.

— Слушайте, дорогой! — сказал серьезно стоматолог. — Жизнь больно ударила меня. У меня увели машину. У меня украли дочь. У меня большая душевная травма. Но я еще не стал сумасшедшим. Я не созрел для палаты номер шесть. Я нормальный. Вам понятно, Веня?

— Я не понимаю, как можно переживать из-за каких-нибудь пятисот рублей?

— Я всегда переживаю, когда у меня хотят отнять деньги. Такой уж у меня характер. Заверните шубку и закончим этот глупый разговор!

— Боже мой, какой вы принципиальный! — сказала Матильда Семеновна, посылая стоматологу одну из лучших своих улыбок.

Исидор Андрианович не обратил внимания на страстную приемщицу.

— Ладно, — сказал Веня. — Не будем терять дружбу из-за денег. Я на вас не в обиде. Как говорит восточная пословица: лучше пощечину от друга, чем хлеб от врага! Матильда Семеновна, выпишите квитанцию на четыре тысячи!..

— Вы рискуете, Вениамин Павлович, — на всякий случай сказала Матильда Семеновна. — У вас из-за этой шубки могут быть неприятности.

— О, да! Он рискует, — рассмеялся Исидор Андрианович. — Он рискует заработать еще несколько сот рублей!

— Ай, идите вы! — заколыхалась на своем табурете приемщица. — У нас же государственная организация!

Когда стоматолог ушел, Веня быстро затолкал шубку под прилавок. Матильда Семеновна начала обзванивать клиентуру, сообщая о новой книге в изысканном переплете цвета лунного серебра.

НОВЕЛЛА

О КРАСАВИЦЕ ТУНЕЯДКЕ ИНГЕ ФЕДОРОВНЕ

Глава четвертая

Цивилист Сугоняев. Цена Галактики.
Начало трагедии. «Арривидерчи».

Василий Петрович Сугоняев был своего рода известностью в своей юридической консультации. Он слыл великим докой по части жилищного права. Он на память знал все законы, касающиеся этого в высшей степени тонкого предмета. К тому же он был дьявольски красноречив. Даже самые черствые судьи и народные заседатели не могли устоять перед железной логикой и гражданским пафосом его речей.

Василий Петрович мог запросто отсудить жилплощадь. Он мог разделить квартиру и изъять внутрикомнатные излишки. Превратить жилое помещение в нежилое и наоборот. Поставить на место наймодателя, осадить зарвавшегося съемщика. Он все мог!

Сугоняев был мастером перегородочных дел. Так на профессиональном языке некоторых адвокатов назывались дела, рожденные перегородкой, жилищной теснотой, перенаселенностью. Василий Петрович поднаторел в разборе коридорных баталий и кухонных свар. Он преуспевал.

Его жена Инга Федоровна слыла одной из самых элегантных адвокатских жен. Это была яркая губастая блондинка, выглядывавшая значительно моложе своих лет. Она считала себя неотразимой.

Василий Петрович побаивался жены. Ему было за пятьдесят. Как говорят поэты: холодные ветры старости коснулись его своим крылом. Побаливало сердце, хрустели суставы, и по утрам во рту было так поганно, словно всю ночь он жевал паклю, настоенную на солидоле. На фоне этих неприятных симптомов жена казалась ему вдвой-

не молодой, обаятельной и желанной для посторонних мужчин.

Инга Федоровна и ее старшая сестра, Милица, разжигали в адвокате страстную недоверчивость и мучительные сомнения. Они недвусмысленно намекали, что акции Василия Петровича падают с каждым днем. Василий Петрович страдал и озлоблялся. Положение осложнилось еще и тем, что в последнее время заработка Сугоняева резко снизились. Деловая конъюнктура складывалась явно не в его пользу. Время работало не на адвоката.

Ежедневно с большого строительного конвейера сходили огромные жилые корпуса. К новым домам стягивались рычащие грузовики. Шумное племя новоселов с сервантами на плечах врвалось в светлые квартиры с окнами в толстые.

Новоселы были откровенно счастливы. Они не хотели судиться.

Глядя на них, Сугоняев понимал, что они никогда не станут его клиентами.

Один из лучших умов консультации, адвокат Тарабрин, сказал как-то Василию Петровичу:

— Сейчас москвичей можно разделить на три категории: на тех, кто а) получил квартиры, б) дожидается, в) не надеется получить сам, но знает, что ее получат соседи. Эти люди навеки потеряны для перегородочных дел. Это необратимый процесс, Сугоняев. Мой совет: перекавалифицируйтесь, пока не поздно. Перекуйте адвокатский меч на орало.

— На забрало! — глупо сострил Сугоняев и добавил: — На мой век клиентов хватит.

— Наивный вы человек, — сказал Тарабрин. — Я намного старше вас. На моих глазах погрузились в пучину небытия прекрасные адвокатские специальности. Какие, скажем, были мастера по бракоразводным делам! Короли! Вы уже не застали их. А богатейшие тяжбы со страховыми обществами? Золотые возможности! Клиенты вчиняют иск «Саламандре». «Саламандра» не хочет платить. «Саламандра» считает, что клиент сам поджег свой дом. Сколько было таких поджигателей, и всем им требовались адвокаты. А процессы о наследствах? Боже мой, это же был адвокатский Клондайк! Алмазные россыпи Родезии! И все это кануло в Лету!

— Но тогда произошла революция!

— А что сейчас происходит в стране? В нынешней семилетке страна получит столько новых домов, что из них можно воздвигнуть больше десятка таких городов, как Москва! А ведь наша столица строилась свыше восьмисот лет! Попомните мои слова, Сугоняев: очень скоро адвокат-перегородочник станет такой же музейной редкостью, как извозчик-лихач!

Такие речи все чаще раздавались в юридической консультации. Зарботки упали не только у Сугоняева, но и у других адвокатов: все больше дел разбиралось в общественных и товарищеских судах.

Этой новой ситуации Инга Федоровна не учивалась. Она вынашивала далеко идущие планы мебельной реконструкции семейного гнезда, а также выработала широкую программу повседневного обновления своего гардероба. Сугоняев отчаянно сопротивлялся. В этой борьбе численный перевес был не на стороне адвоката. Ингу Федоровну поддерживала Милица.

Милица Федоровна целыми днями просиживала у окна, высматривала, что проносят жильцы дома. Фиксировались все покупки, начиная от эмалированной миски и кончая мебельным гарнитуром, чтобы впоследствии оповестить о них дворовую общественность.

Вечерами, когда Василий Петрович мечтал об отдыхе, начинался ненавистный разговор об удачливых добытчиках и чужом процветании. Милица Федоровна, поцелкивая отстающим, плохо подогнанным зубным протезом, сообщала младшей сестре о новых приобретениях соседей. Свою информацию она сопровождала сентенциями вроде «живут же люди!», «мы так жить не будем», «доставят же люди!», «мы не достанем», «есть же мужья!» и т. д. и т. п.

Адвокат вскипал.

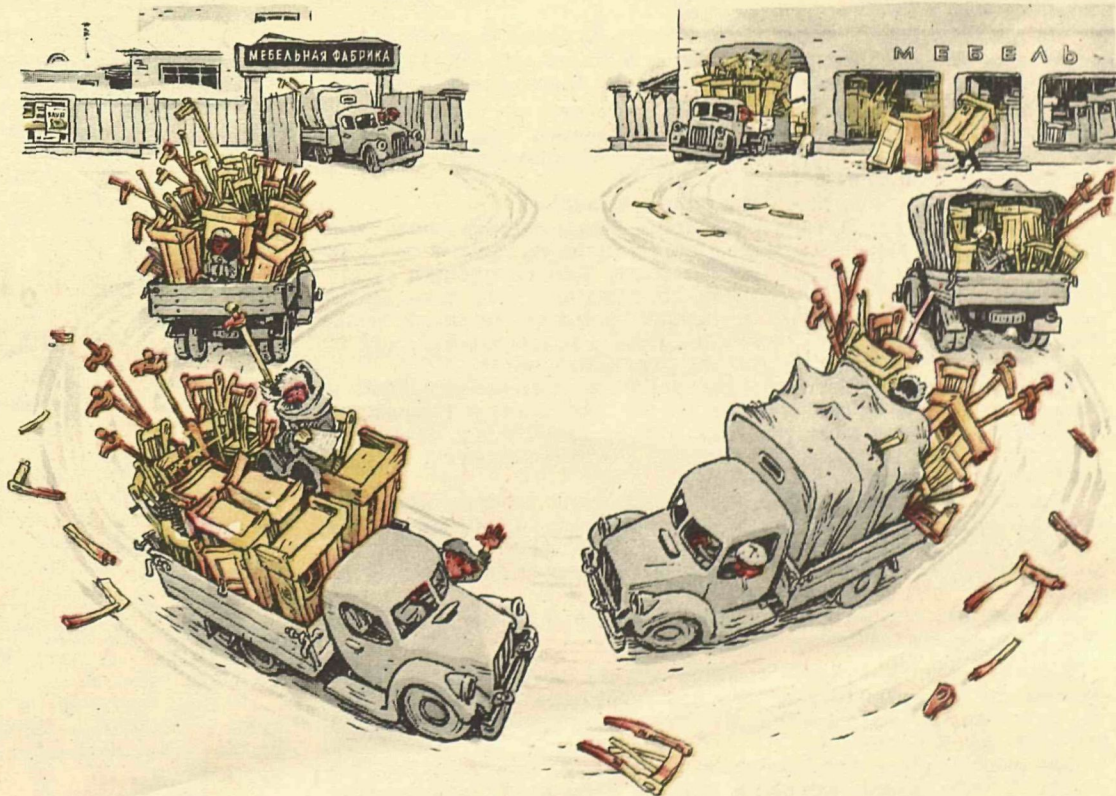
— Мне дадут покой в этом доме?! — кричал он.

— А кто тебя трогает? Разве нельзя поговорить с родной сестрой?

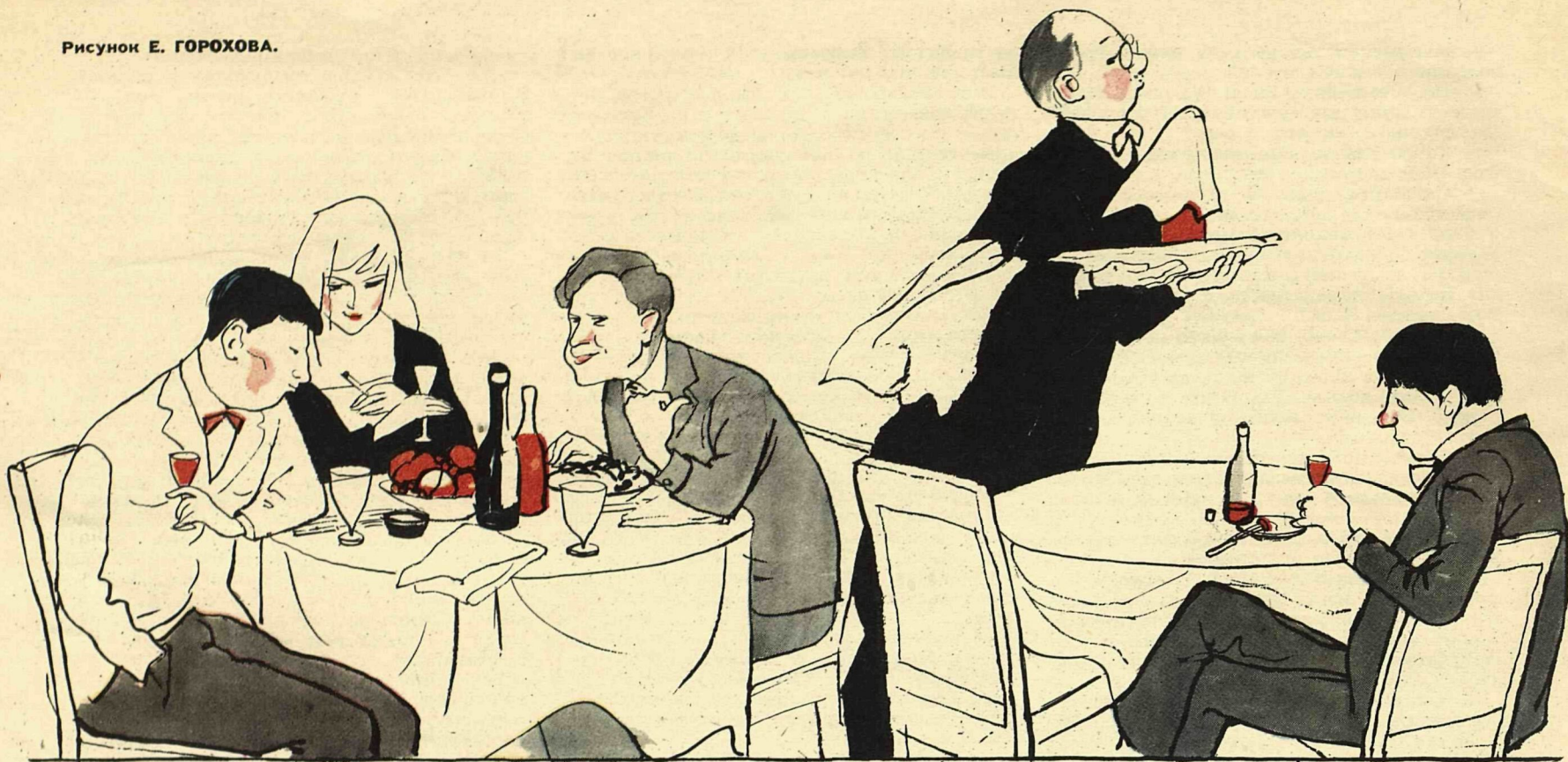
После незначительной паузы снова доносилось щелканье прыгающего протеза. Милица Федоровна изготавлялась для очередного удара.

(Продолжение следует.)

Рисунок Е. МИГУНОВА.



ВСТРЕЧНЫЕ ПЕРЕВОЗКИ.



— Трудновато жить ему на бабушкину пенсию...

Юридическая дочь

ИЗ БАРНАУЛА в редакцию пришло письмо Анны Матвеевны Назаровой, мастера холодильника Барнаульского маслосыркомбината. Ее кровно обидела мачеха. Она присвоила все оставшееся от покойного отца имущество и деньги. Вот уже четыре года Анна Матвеевна бьется за свои права. Но все тщетно. Равнодушно отнеслись к этому делу и суд и прокуратура. Мачеха пока торжествует.

Барнаульские юристы, к которым Анна Матвеевна обратилась за советом, обнадежили:

— Ваше дело бесспорное. Найдем на мачеху управу!

Назарова написала письмо в нотариальную контору. Потом — в суд. Потом — снова нотариусу. Потом — в прокуратуру. Заявление обросло множеством справок, запросов, постановлений и наконец превратилось в «дело».

Но по бумажкам судить нельзя. Часто за ними скрываются самые неожиданные сюрпризы. И вот я в Барнауле. Беседую в номере гостиницы с автором письма — Анной Матвеевной Назаровой.

Бывает же так! Сидит перед тобой человек, на первый взгляд хороший и честный, уверенный в своей правоте, смотрит грустными глазами, ждет от тебя помощи. И в то же время изрекает такие вещи, что становится за него стыдно.

Вот что рассказала Анна Матвеевна Назарова.

В 1921 году отец Назаровой Матвей Федорович Коровин разошелся с женой. Оформив развод, он женился на другой женщине и уехал с ней из Барнаула в Кисловодск. Там он прожил со второй женой, Анастасией Петровной, 36 лет. Видно, это было не мимолетное увлечение. Детям от первой жены он посылал деньги без судов и напоминая. Умер Коровин в возрасте 85 лет от тяжелого недуга. Вдова сообщила об этом падчерице.

Нет, дочь не осталась равнодушной к горестному событию. Правда, она не бросилась в аэропорт, не поспешила в Кисловодск, чтобы отдать последний долг отцу. В тот же день она обратилась в нотариальную контору Кисловодска с просьбой выдать ей свидетельство на право наследования...

Все письма, все заявления Назаровой были строго выдержаны в одной тональности. В них вместо простых и обычных слов «отец» и «дочь» на каждой строке то и дело встречались: «наследодатель», «наследница», «право наследования» и «наследственная масса».

Так вот что потрясло Анну Назарову: сколько ей из этой самой «наследственной массы» причитается?

К слову сказать, «наследственная масса» не потрясла своими размерами. На сберкнижке Коровина осталось немногим более десяти тысяч рублей. Причем это были сбережения от общего заработка супругов.

Из этих денег вдова уплатила долги, которых за восемь месяцев болезни мужа скопилось немало, поставила на могиле памятник и ограду. Оставшиеся деньги пополам и половину выслала в Барнаул — Назаровой.

«Вот тут-то Анна Матвеевна и возмутилась: ей, дескать, бросили подачку! Ведь причитается куда больше!

«Я претендую на половину вклада, 5 125 рублей, и половину имущества... Опись имущества нотариус должен выслать мне».

Началась тяжба дочери с мертвым отцом.

Назарова негодовала:

«...Все имущество получила А. П. Коровина, которая выслала мне 2 000 рублей, а на остальные справила похороны. Что за пышные похороны!»

— А сколько, по-вашему, следовало израсходовать?

— По-всякому можно скоронить, — замаялась Назарова. — А вообще-то могли и на казенный счет. Он ведь был персональный пенсионер! Никаких долгов у них быть не должно: оба работали. Да еще у них вещи были: одежда, посуда, мебель. Мне полагается половина.

Что же хочет получить дочь-наследница? Тарелки и сковородки? Поношенное пальто отца? Но зачем ей все это? Может быть, так поступать заставляет Назарову нужда?

— Нет. Зарабатываю я прилично, — говорит Назарова. — А наследство хочу отдать сыну.

А сын нуждается в помощи? Ничего подобного. Владимир Назаров, молодой, полный сил человек, работает слесарем на заводе мехпрессов тут же, в Барнауле. Его жена тоже работает. Значит, версия о «безвыходном положении» отпадает. Так в чем же дело? А все в том же — в мелком стяжательстве!

Может быть, если строго придерживаться буквы закона, кое-что из «наследственной массы» Анне Матвеевне и причитается. Но, наверно, не больше того, что она уже получила. А если обратиться к моральному праву? Ведь нельзя же расценивать свои отношения с близкими только в соответствии с параграфами.

Назарова в данном случае только юридическая дочь Коровина. Какие дочерние обязанности она выполняла по отношению к отцу? Никаких! Она никогда не навещала его, не интересовалась его здоровьем.

Сердце дочери молчало. Зато не молчали те лица, к которым она обращалась за советом. Они усердно «подкручивали» Назарову: «Высудим! По закону полагается! Боритесь!»

А ведь могло быть и не так! Допустим, юрист, к которому пришла Анна Матвеевна, оказал бы ей, отложив в сторону своды законов:

— Может быть, вы и выгадаете какую-нибудь толику. Но к лицу ли вам, дочери, тягаться с покойным отцом? Из уважения к его памяти, оставьте. К тому же, если говорить по совести, моральных прав вы на наследство никаких не имеете.

И если бы Назарова последовала этому мудрому, душевному совету, не было бы пухлого «дела» о «наследственной массе», не было бы бесчисленных заявлений в суд, прокуратуру и многие другие организации.

Л. АЛЕКСАНДРОВА

КОГДА РАК СВИСТНУЛ



ТО БЫЛ старый, опытный рак, выдавший виды под своей корягой в Дону. Он-то хорошо знал, что стоит ему, раку, свистнуть, как свершится чудо.

И вдруг рак свистнул. С чего бы это, он и сам не мог понять.

Раздался по Дону и всему Азовскому морю этакий разбойничий посвист и дошел до некоего учреждения, именуемого коротко — АЗНИРХ, а длинно — Азовский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства. И пошел в том институте великий переполох: все начали резать правду-матку.

Почин сделал сам директор Дмитрий Иванович Иванов. Прибежал он к начальнику своему, руководителю Управления рыбной промышленности Ростовского совнархоза Семену Кондратьевичу Карелину, и выложил все на чистоту:

— Так и так, сотрудников у нас — целый научный батальон. Пришлось даже расквартировать наши боевые порядки в пяти зданиях на пяти разных улицах. Четыре миллиона рублей в год тратили. И как в воду канули денежки!

— Именно что в воду, — согласился Карелин, на которого рачий свист тоже успел оказать свое действие. — В донскую да в азовскую! Туда, куда мы уже кинули пятьдесят пять миллионов, ассигнованных на восстановление рыбных богатств.

— А мы еще миллиончик-другой подкинули, — вздохнул Иванов. — В том числе на нормирование труда и зарплаты рабочих, изготовляющих лодки и прочий спортивный инвентарь. Прав был министр финансов, когда упомянул о нас на сессии Верховного Совета СССР. Ну какое отношение имеет наш рыбный институт вместе с вашим рыбным управлением к спортивному инвентарю?!

— Вот именно, — поддержал Карелин и про-

должал: — А чего стоят ваши лаборатории по изучению технологии молока, подсолнечного масла, консервирования фруктов и овощей? Смешно, но у вас есть и ветеринарная лаборатория. Давно ли, скажите на милость, донские и азовские осетры стали доняться?

— А не потому ли лаборатории не дают эффекта, — схватился за голову Иванов, — что я отнюдь не специалист по всем этим вопросам?

— Но вы ведь не специалист и по рыбоводству! И, кроме вас, в штате института немало людей, которые видели рыбу только в жареном или вареном виде...

...А рак все свистел и свистел. И под звуки этого предательского свиста Иванова совсем разобрало:

— Все бы ничего, да вот беда: нет эффективности в нашей работе! Толку от нас государству никакого!

Карелин заткнул уши, чтобы не слышать рачий свист, и сказал:

— Если уж на то пошло, мы с вами изобрели щетки для чистки цементных бассейнов, где выращиваются личинки осетровых. Забыли?

— Чепуха! — без всякого стеснения воскликнул Иванов. — Про щетки мы, правда, здорово шумели. Но ведь это обыкновенные пылесосные щетки. Тоже мне изобретение!

А свист все нарастал. Росла и тяга собеседников к правде-матке. Иванов уже каялся в безрадостной судьбе Аксайской экспериментальной лаборатории института.

— Двадцать четыре гектара прекрасных прудов! — старался он перекрыть рачий свист. — Обошлись свыше миллиона! И все заросли, все пришли в негодность. А где был я? Я, извольте ли видеть, занялся рыбной переписью! Да, да, мы изобрели метод, при помощи которого можно зарегистрировать каждую рыбку в море. Но... Метод оказался того... Хотя закрывай Азовское море на переучет! Смешно?

Рак на минуту передохнул, и Карелин успел язвительно заметить:

— Это из-за вас каждый год на производстве гибнет четыреста килограммов чудесной зернистой икры. Никак вы не удосужитесь выработать правильный метод выращивания осетровой молоди из икры!

— А главное в том, — горестно заметил Иванов под возобновившийся бодрый рачий свист, — что наш институт называется научно-исследовательским, но в нем нет ни продуктивной науки, ни полезных исследований.

— Да! — твердо сказал Карелин, больше уж не затыкая ушей. — Я не люблю этого вульгарного слова, но приходится признать, что мы с вами в общем и целом занимаемся болт...

И вдруг по неизвестной причине наступила тишина. Одни говорили, что рак от возмущения издох. Другие твердили, что научные сотрудники АЗНИРХа сбежали к Дону и принудили рака замолчать. Так или иначе, рак замолчал, и Иванов, оправившись, заявил с обычной самоуверенностью:

— АЗНИРХ находится на высоте требований народного хозяйства!

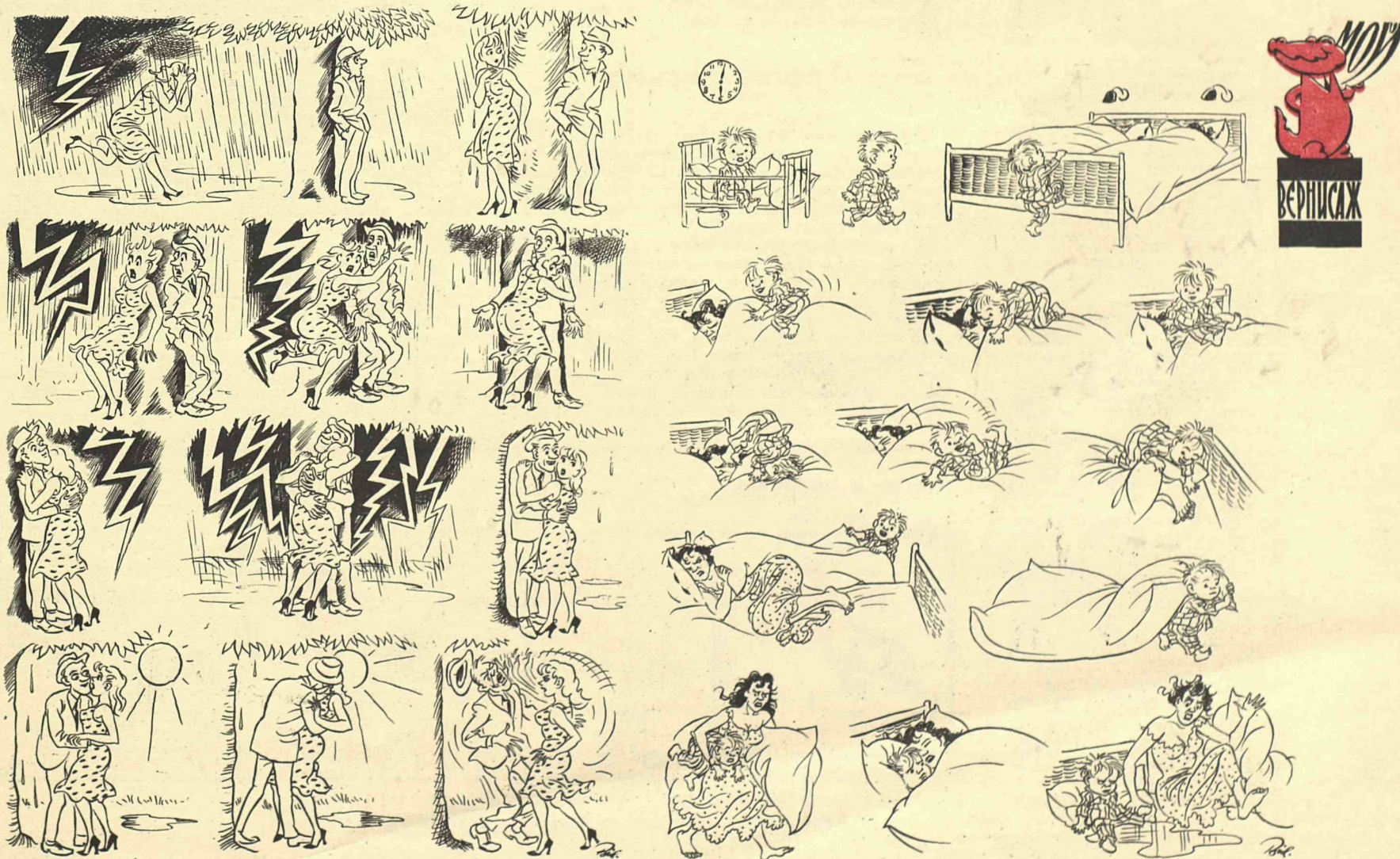
— Под моим руководством, — добавил Карелин.

...Конечно, все это только шутка. Рак не свистел, Иванов с Карелиным не говорили правду. И едва ли скажут!

Сергей ЗВАНЦЕВ

г. Ростов-на-Дону.

Подобно тому, как рисунки датского художника Херлуфа Бидструпа не нуждаются в пояснениях, так и сам Бидstrup не нуждается в рекомендациях. Его веселые рисунки-серии уже давно завоевали огромную популярность в нашей стране. Ниже мы публикуем две новые серии: «Буря» и «Воскресное утро», присланные карикатуристом Кронодилу.





Служебная сатира

Хотя у этого сатирического произведения было довольно невыразительное название — «О фактах злоупотреблений и хищений государственной собственности», — оно сразу привлекло наше внимание глубиной содержания и обоснованностью характеристик. Впрочем, судите сами:

«В конце декабря 1958 года Бобченко присвоил 1764 рубля государственных средств путем получения в Павлодарском аэропорту двух билетов на проезд самолетом по личным делам... По подложным и незаконным авансовым отчетам и табелям за период времени с мая 1959 года по 1 сентября 1960 года Бобченко присвоил 3698 рублей государственных средств.

Бобченко командировал в Грозный бывшего директора Боженульского хлебоприемного пункта Орлова и его жену для покупки домашней мебели. Расходы по незаконной командировке Орлова и его жены в сумме 5500 рублей отнесены на государственный счет.

Используя служебное положение, Бобченко систематически давал незаконные распоряжения кассиру о переводе своим родственникам в Казань государственных денег... Задолженность Бобченко была отнесена на обезличенную карточку дебиторской задолженности, а затем списана в убыток...

Окружив себя подхалимами и угодниками, Бобченко допускал недостойные поступки... В день своего рождения Бобченко принял подарок стоимостью 1300 рублей, купленный его подхалимами на деньги, собранные у сотрудников...

М. КАРПЕНКО.

— Ну что ж, довольно дельная сатира, — скажет читатель. — Молодец этот ваш Карпенко, острое у него перо!

И будет бесконечно прав. Особенно, если учесть, что мы представили произведение М. Карпенко в урезанном виде: его полный объем — девять с половиной страниц плотного машинописного текста. Особенно, если принять во внимание, что автор уличил Бобченко во многих других прегрешениях: потворстве жуликам, которые расхитили более 600 тысяч рублей, нечестных махинациях с приобретением частных домов, покровительстве проходимцам, мздоимстве и т. д. и т. п. Да, обо всем написал автор, и перо его не дрогнуло, хотя он задел самого начальника Павлодарского областного управления хлебопродуктов С. Ф. Вобченко.

«Ну, несдобровать теперь этому Бобченко!» — подумали мы.

Связались с Павлодаром и выяснили, что с Бобченко ничего не случилось. Сидит по-прежнему в управлении и по-прежнему управляет.

А автор М. Карпенко, как и раньше, уделяет много времени сатире.

Только сатира эта особого рода — служебная. Потому что М. Карпенко не рабкор и не рядовой газетчик, а министр хлебопродуктов Казахской ССР. Мы же цитировали не памфлет, не фельетон и не критическую корреспонденцию, а подписанное М. Карпенко постановление коллегии министерства.

Служебная сатира, оказываясь, имеет порой весьма удобную для обличаемых особенность: она мечет молнии, но грома за ними не следует.

М. Г.

Отклики и РЕПЛИКИ

Пожалуйста к ответу, папенька!

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца...

Эти строки мы знаем с детства. Но Лева Рождественский забегал в избу своего отца, председателя исполкома Омского горсовета, и звал его второпях лишь в тех случаях, когда милицеские сети угрожали захватить это папино дитя для привлечения к ответственности за наглое, хулиганское поведение. И папа не говорил жене: «Дай кафтан, уж полетусь...», — а немедленно кидался вызволять из беды любимое дитице.

История похождения Лёвы Рождественского была опубликована на страницах Крокодила в фельетоне «Папенькин сын».

Редакция получила многочисленные отклики на этот фельетон. Читатели единодушны в своих высказываниях. Рабочие Одесского завода имени Петра Старостина, группа старых коммунистов из Тамбова и многие другие возмущены наглым, безнаказанным поведением туеядца и хулигана.

Изучив полученные отклики на фельетон «Папенькин сынок», редакция решила обратиться от имени журнала и многочисленных его читателей с вопросом к руководителям омских организаций: как ответил перед законом и общественностью за свое недостойное поведение папа Рождественский?

И Омский областной комитет КПСС ответил: Бюро обкома признало фельетон правильным. Н. А. Рождественскому объявлен строгий выговор.

Бюро обкома КПСС поручило прокурору области рассмотреть вопрос о хулиганских действиях Л. Рождественского и принять меры, соответствующие советскому закону.

Вот именно. Давно бы так!

Третье письмо

Читатель, наверное, помнит «Дело о коляске». О нем рассказывалось в тридцать первом номере журнала. Юридический отдел Северо-Кавказской железной дороги затеял тяжбу с рабочим Царевым, малолетний сын которого стал инвалидом из-за несчастного случая.

Суд предложил дороге купить для сына Царева специальную детскую коляску, а юридический отдел ударился в крочкотворство, чтобы как-нибудь уберечь дорогу от трехсотрублевого расхода.

По этому поводу прибыло три письма. Одно — от секретаря Ростовского обкома КПСС Маякова, второе — от заместителя начальника Северо-Кавказской дороги Левченко. Они сообщают, что дано указание о выплате денег Цареву. Кроме то-

го, всем юрисконсультам дороги разъяснено, как должны вестись подобные дела в дальнейшем.

Третье письмо было от адвоката Б. Л. Красинского. Он сообщает о благородном поступке домохозяйки Александры Петровны Фомичевой, проживающей в Москве, в 3-м Дербеневском переулке, дом 3. Она послала Царевым деньги на коляску. И вот что она пишет на бланке пятисотрублевого перевода:

«Товарищ Царев, Егор Александрович! Посылаю свои сбережения для Вашего сына Сережи. Узнала я о Вас из журнала Крокодил. Очень желаю помочь Вам, чем могу.

Незнакомая Вам, но очень желающая помочь в Вашем несчастье Фомичева».

Если бы в юридическом отделе Северо-Кавказской дороги сидели такие чуткие и отзывчивые люди, как Александра Петровна, право, не возникло бы столь некрасивого и позорного дела, каким было «дело о коляске».

Исчез не весь миллион неприятностей

20 апреля 1960 года в Крокодиле был напечатан фельетон «Миллион неприятностей» — о том, что у нас еще часто хорошие сувениры неожиданно исчезают из продажи, а на некоторых предприятиях выпускаются безвкусные, аляповатые вещи.

Крокодил получил немало откликов на этот фельетон.

Заместитель министра торговли РСФСР тов. И. Серебренников сообщил, что в жюри конкурса на лучший сувенир включены художники и искусствоведы. Самые удачные памятные подарки поступят в массовое производство.

Руководители 5-го Московского механического завода решили вместо безобразных жестяных ваз выпускать в 1961 году люстры для малогабаритных квартир.

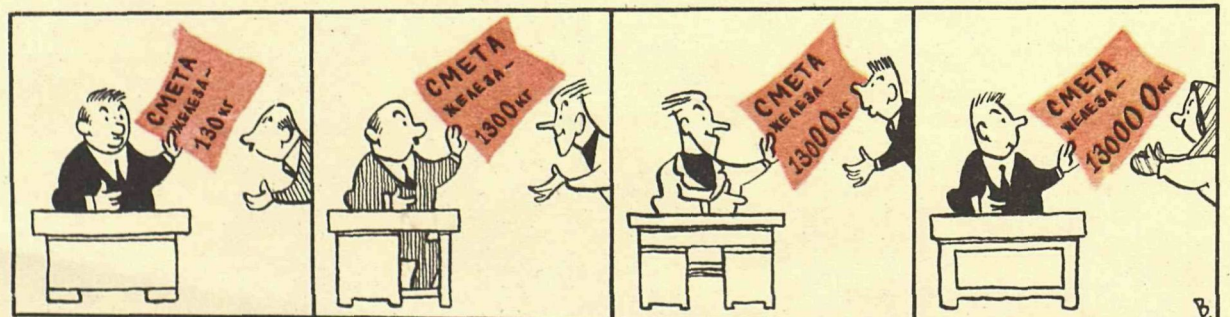
Что же! Одним ударом будут убиты два зайца: серо-буро-малиновые вазы перестанут мозолить глаза покупателям, и появятся люстры, столь нужные многим новоселам.

Но в то же время... Директор ленинградской фабрики «Светоч» тов. Васильев раскрыл нам одну «тайну»: самыми рьяными пропагандистами безвкусных плюшевых альбомов являются... торговые работники, требующие выпуска подобной «красивой продукции».

Но в то же время... Директор зеркальной фабрики № 2 Мосгорисполкома П. Горев обрадовал нас сообщением: аляповатые ларцы с бахромой и туалетные шкатулки, оклеенные битым стеклом, будут впредь выпускаться в новых вариантах.

Товарищи из Министерства торговли и члены жюри! Будьте бдительны: поборники безвкусицы не сложили оружия!

Рисунки М. ВАЙСБОРДА.



СМЕТАМОРФОЗА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«...Вышеуказанные столбы были использованы в качестве подпорок для управляющего трестом».

(Из объяснительной записки.)

«Район не готов к отелу по вине руководителя сельхозинспекции...»

(Из отчетного доклада.)

«Браконьерством я занимаюсь с тех пор, как моя теща стала начальником охотинспекции».

(Из показаний подсудимого.)

Записал В. Петров.

г. Брянск.

«Была у нас драка, и я пострадал. Зубы выбивали бесплатно, а вставлять пришлось за деньги».

(Из заявления в суд.)

«В течение трех лет я собирался написать вам просьбу от имени конского поголовья, но все считал неудобным».

(Из заявления в правление колхоза.)

«Я трудился за прилавком, за что меня и уволили».

(Из объяснения на суде.)

«Благодаря водке меня подняли на поверхность, где заработок значительно ниже».

(Из письма бывшего шахтера.)

Собрал В. КУТЕЙНИКОВ.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

«Коровник, к примеру, построили сапогообразной формы».

«Большого нужно тщетно осмотреть».

«Дорогая редакция, прошу извинения, я вновь возвращаюсь к своему прямому долгу. Свое длительное молчание заключалось в создавшихся семейных обстоятельствах».

«Подписывайте мои стихи Авксентий Малкин, только при расплате за каковы не забудьте, что я — Иван».

«Он слышал, как сердце бешено билось, ударяясь о грудь».

Записал Л. ПЛЕСКАЧЕВСКИЙ.

г. Майкоп.

ЧТО НОВОГО В САТИРИЧЕСКОМ ЦЕХЕ



«СМЕХ — ДЕЛО СЕРЬЕЗНОЕ». Если нужны доказательства, — вот они. Восемьдесят авторов серьезно потрудились над юмористическими рассказами, фельетонами, стихотворениями, даже сатирической повестью и комедией. А секция сатиры и юмора Московского отделения Союза писателей составила из этих произведений веселый сборник.

«УЛЫБКА» улыбке рознь. Одному улыбаются дружески, другому иронически, третьему ядовито. Так поставлено дело и у редактора таджикского сатирического журнала «Хорлуш-

так» С. Гани. На все лады улычивый сборник его рассказов, фельетонов и юморесок выпущен Таджикгосиздатом.

«В ШУТКУ И ВСЕРЬЕЗ» о «Литвьюноше», «Женихе с дипломом», «Гусе столичном» и прочих лжегероях повествует книжка симферопольца Н. Полотая. Вышла она на родине поэта, в Крымиздате.

«ПЕРСОНАЛЬНУЮ СВИНЬЮ» тульского поэта Н. Кирьянова представило читателям Тульское же книжное издательство. А «Советский писатель» познакомил нас с «Соловьем в курятнике» каменец-подольского сатирика Н. Годованца.

«ЗОЛОТАЯ БАБУШКА» оказалась на проверку довольно вьедливой старушкой. Подробностей — в одноименном сборнике юмористических рассказов и сенок С. Званцева, выпущенном Ростовским книжным издательством.

«ПРИЛИПАЛЫ» — так назвал М. Семенов сборник своих рассказов и фельетонов, изданный «Советским писателем». Распространяться на эту тему Крокодил считает неудобным ввиду личного близкого знакомства с автором.



— Видите! А говорили, что колонны лишние... Рисунок А. КРЫЛОВА.

ЧЕСТНЫМ ПУТЕМ

Это произошло совсем недавно. Любопытный спрашивал у Честного: — Меня интересует, как вы со своим весьма скромным заработком ухитрились выстроить такой особняк?

— Только честным путем, — ответил Честный, — ведь я же Честный!

— Ну, а все-таки? — не унимался Любопытный.

— Как вы думаете, мог я приобрести, скажем, мотоцикл с коляской? — спросил, в свою очередь, Честный.

— Могли. Но я говорю не про мотоцикл, а про особняк.

— Не торопитесь. Дойдет очередь и до особняка, — спокойно сказал Честный. — Видите ли, я продал мотоцикл и честно купил на эти деньги «Москвич».

— Как же так? «Москвич» ведь стоит дороже! — недоумевал Любопытный.

— Какой вы непонятливый! — возмутился Честный. — Мотоцикл я купил по государственной цене, а продал...

— Теперь понимаю, — прервал его Любопытный, — но «Москвич» — это еще не особняк!

— О господи, как вы туго соображаете! — воскликнул Честный. — Все остальное ведь яснее ясного. Таким же образом я продал «Москвич» и купил «Победу». Потом сбыл «Победу» и приобрел «Волгу». Загнал «Волгу» — выстроил особняк и опять купил мотоцикл. Теперь вам ясно, что все это произошло честным путем?

— Еще бы! — усмехнулся Любопытный.

Он был следователем...

М. ЦАЛИС («Дадзис»)

С подлинным скверно...

ОДНИМ МАХОМ

Главный механик Ташаринского стройуправления (Новосибирская область) тов. Доманчук собственноручно сочинил и подписал такой документ:

«ХАРАКТЕРИСТИКА

на рабочего Ташаринского строительного управления ТИМОФЕЕВА Евгения Васильевича, 1932 года рождения, беспартийного.

Тов. ЕВГЕНЬЕВ работает в Ташаринском стройуправлении с 1958 года. За последнее время работы в качестве крановщика электрокрана показал себя только с хорошей стороны. Все задания по работе выполнял честно и добро-

совестно, пользуется хорошим авторитетом среди рабочих мехпарка. Тов. ПРОКОПЬЕВ морально устойчив.

Гл. механик ДОМАНЧУК. Пользуясь методом, изобретенным тов. Доманчуком, мы, в свою очередь, решили ответить ему таким документом.

«Характеристика на главного механика Ташаринского стройуправления тов. ДОМАНЧУКА.

Тов. ИВАНОВ не слишком внимательно относится к своим обязанностям.

Тов. СИДОРОВ добросовестно смешивает божий дар с яичницей, хорошо умеет сочинять и подписывать нелепые бумажки».

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37.

Издательство «Правда».

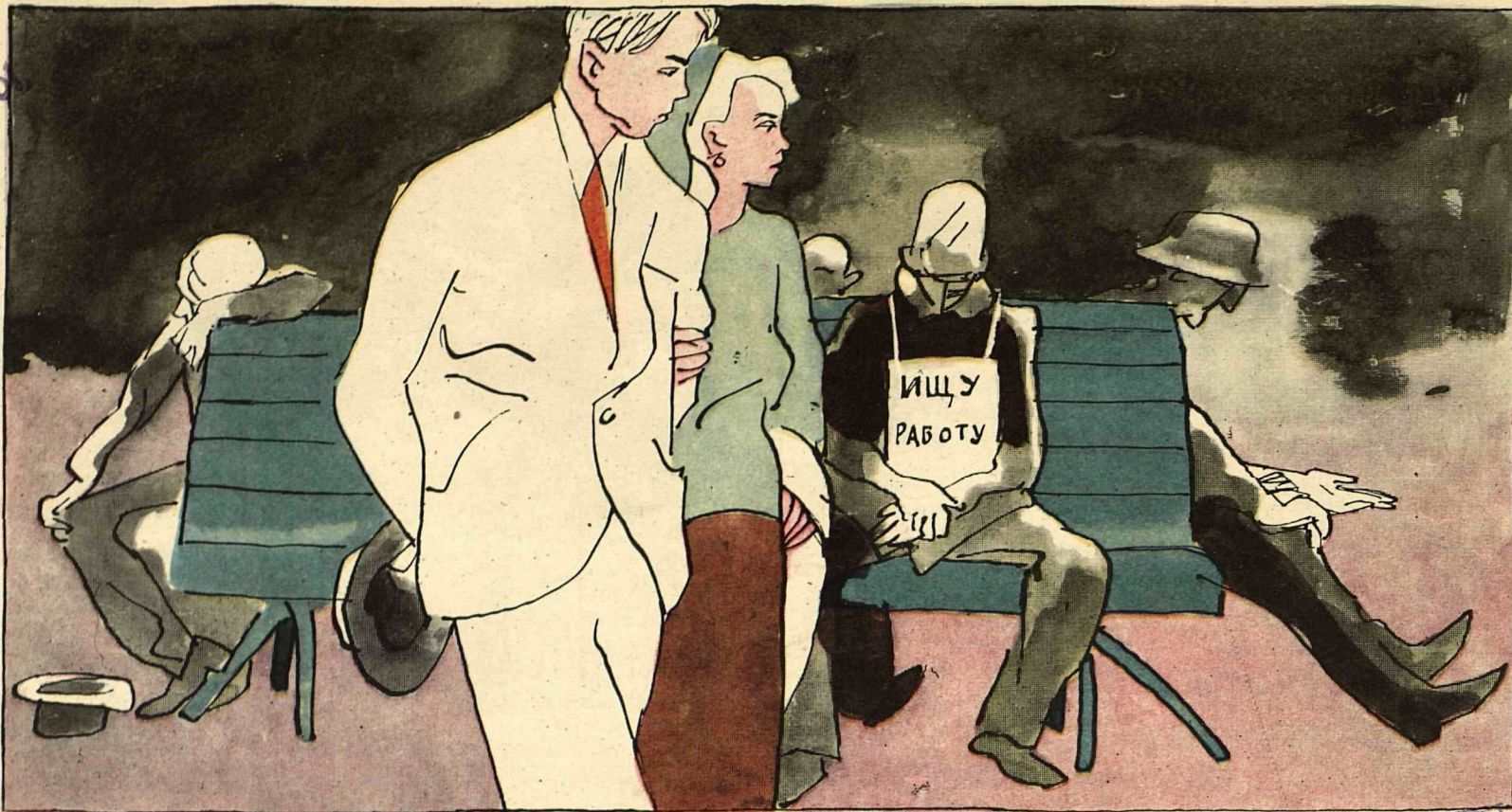
А 01212. Изд. № 15. Подписано к печати 19/1 1961 г. Формат бум. 70x108%. Заказ № 203. Тираж 1 500 000 экз. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. Правды, 24.

12

31 ЯНВ 1961

Рисунок В. ГОРЯЕВА.



советским туристам в США

Всесоюзная
Книжная палата
контрол. экзempl.
1961 г.



и американским в СССР.